

МИНУВШІЕ ДНИ *).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Посвящается сыну моему Виссаріону Писареву.

I.

Антипъ Григорьевичъ.—Выкса и ея обитатели.—Семейство Кочетовыхъ.—Отъѣздъ управляющаго.—Жизнь въ уѣздномъ городѣ.—Смерть отца.—Переселеніе въ Муромъ.—Нижній Новгородъ и новыя невзгоды.—Замужество.—Первые годы семейной жизни. Приемный сынъ.—Отъѣздъ Елизаветы Ивановны въ Симбирскъ.—Подкидышъ.

Въ 1844 году, въ Нижній Новгородъ пріѣхалъ, изъ Москвы, парикмахеръ, и открылъ тамъ свое заведеніе. Парикмахеръ этотъ Антипъ Григорьевичъ Григорьевъ — былъ сыномъ крѣпостнаго человѣка, какого-то Б., подмосковскаго помѣщика, Клинскаго уѣзда. Мальчикомъ онъ ѣздилъ на запяткахъ, прислуживалъ въ качествѣ «казачка» барину, т. е. набивалъ трубки, бѣгалъ по кухнямъ, людскимъ и прихожимъ, словомъ исполнялъ всѣ возлагаемыя на него порученія съ ловкостью и проворствомъ истинно господскаго камеръ-пажа.

Однажды, за обѣдомъ, баринъ вдругъ, обернувшись къ Антипкѣ, сказалъ:

— Будь ты отнынѣ не Григорьевъ, а Стрепетовъ!

И этого оказалось достаточно, чтобы Антипка моментально усвоилъ себѣ новую кличку.

Почему? Зачѣмъ! никто не смѣлъ спрашивать, да и какая надобность? Барину не нравится прозвище мальчика, и мальчикъ обязанъ перемѣнить свое прозвище на такое, какое нравится барину. Здѣсь нѣтъ мѣста разсужденіямъ: барская воля—законъ. Таковъ былъ духъ времени—и никто тому не удивлялся.

Когда минуло Антипкѣ 11 лѣтъ, его отвезли въ Москву и отдали учиться, но только не грамотѣ—нѣтъ, а парикмахерскому и цирюльничьему мастерству. Способный мальчикъ быстро постигъ всѣ тайны искусства, которому его обучали, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постигъ въ совершенствѣ и тайну дру-

*) Въ № 26 закончилась приведенная въ порядокъ М. И. Писаревымъ часть „Записокъ П. А. Стрепетовой“. Огромный интересъ, вызванный этими записками, побуждаетъ насъ напечатать двѣ самостоятельныя главы, озаглавленныя „Минувшіе дни“, и касающіяся воспоминаній П. А. Стрепетовой о ранней порѣ ея дѣтства и юности. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя не выразить надежды, что произведеніе въ порядкѣ дальнѣйшихъ записокъ не заставитъ себя долго ждать.

гого искусства—пить водку, сгубившую впоследствии его здоровье да и самую жизнь.

Антипъ Григорьевичъ былъ великій оригиналь. Что бы онъ ни говорилъ, чтобы ни дѣлалъ, все у него выходило какъ-то особенно, своеобразно, какъ-то «по своему». Будучи, что называется, вполне темнымъ человѣкомъ, не получившимъ ни малѣйшаго образованія, будучи совсѣмъ безграмотнымъ—онъ, тѣмъ не менѣе, представлялъ собою рѣзкій контрастъ съ обществомъ людей своего круга. Деликатный, кроткій, нѣжный по натурѣ, чуткій и воспримчивый ко всему хорошему, идеально честный и бесконечно добрый—этотъ человѣкъ, казалось, поставилъ цѣлью всей своей жизни свято хранить заповѣдь Христа, и дѣйствительно «любилъ ближняго, какъ самого себя». Никто никогда не слышалъ отъ него грубаго, обиднаго слова, никто не встрѣчалъ отказа въ помощи. Онъ, буквально, дѣлился съ людьми послѣдней копѣйкой. Но замѣчательно, что этотъ спокойный, тихій Антипъ Григорьевичъ, этотъ сердечный человѣкъ, любимый и уважаемый цѣлымъ городомъ, когда отдавался своему несчастному пороку, круто мѣнялъ ту нравственную физиономію, которая дѣлала его такимъ симпатичнымъ и привлекательнымъ. Пьяный онъ становился придирчивъ, грубъ, капризенъ—прямо неносенъ. Онъ ворчалъ на жену, бранился, даже дрался съ учениками, шумѣлъ и воевалъ до нельзя...

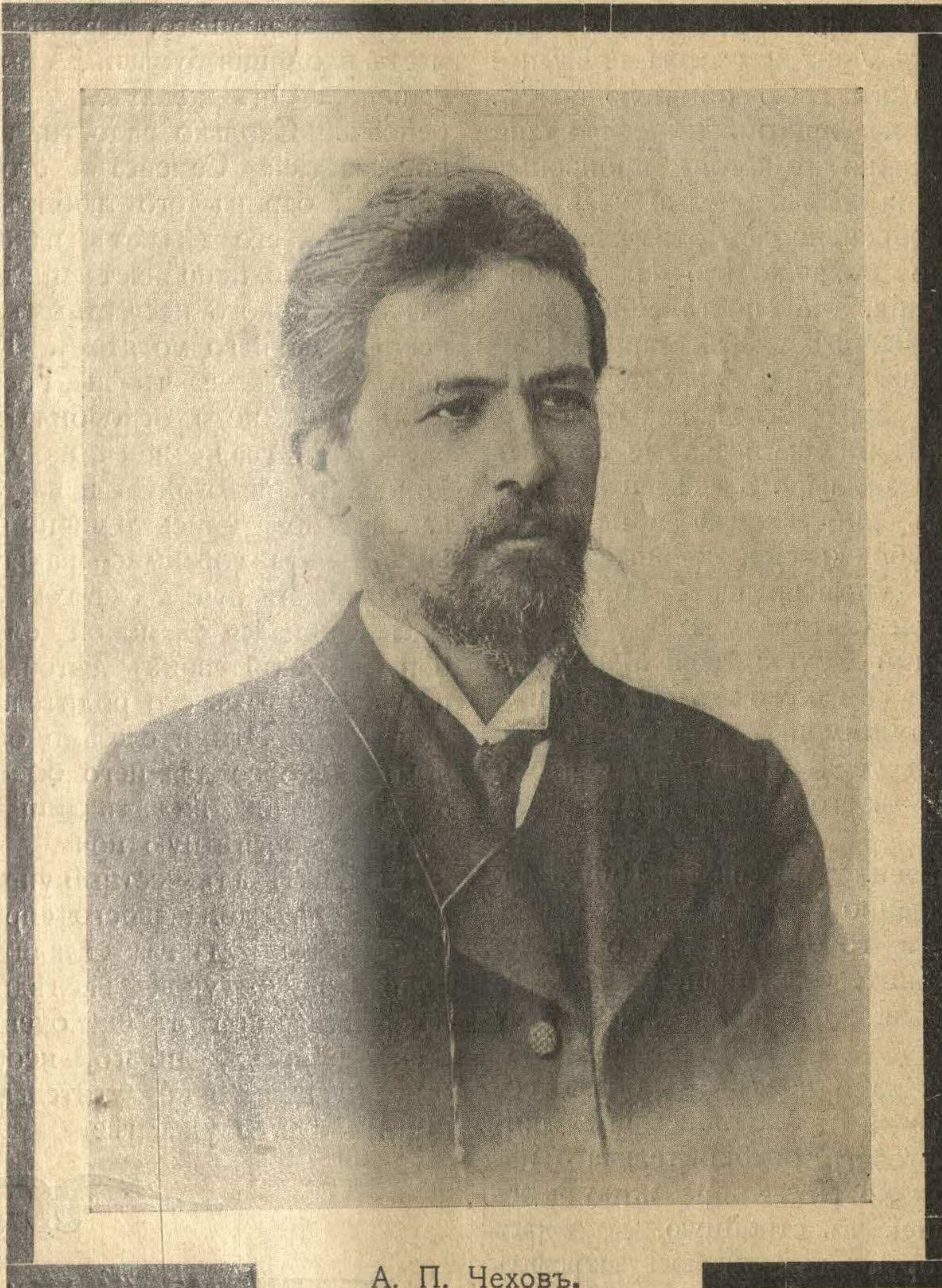
Когда Антипъ Григорьевичъ пріѣхалъ въ Нижній и открылъ заведеніе, онъ уже былъ совершенно самостоятеленъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ дана ему была помѣщикомъ вольная—мнѣ неизвѣстно. Въ Нижнемъ въ то время царил опера. Между пѣвицами особенно выдѣлялась молодая талантливая дѣвушка—Елизавета Ивановна Кочетова. Стрепетовъ увидалъ ее въ театрѣ и влюбился. По прошествіи нѣкотораго времени онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе.

...Неподалеку отъ Муромъ, на Окѣ, стоитъ большое село Выкса, теперь уже разстроенное и разоренное арендаторами, но нѣкогда блиставшее роскошью и великолѣпіемъ, по истинѣ, изумительными. Во времена, о которыхъ идетъ рѣчь, оно принадлежало Шепелеву, богачу-помѣщику, ничего не щадившему на удовольствіе своихъ прихотей

и затѣй. При немъ Выкса достигла полного апогея блеска и изящества. Она являла видъ чего-то сказочнаго, баснословнаго.

Шепелевъ былъ великій любитель всякихъ изящныхъ искусствъ. Литераторы, художники, артисты почти не выходили изъ его дома. У него, конечно, былъ свой театръ, съ превосходнѣйшими декорациями, прекрасными костюмами... Все разумѣется, выписывалось изъ за границы, и въ состояніи было удивить глазъ даже самаго бывалаго человѣка. На театрѣ этомъ давались драмы, оперы, иногда балеты. Труппы и оркестръ формировались изъ крѣпостныхъ людей и формировались, надо правду сказать, довольно искусно, съ большимъ знаніемъ дѣла.

Имѣніемъ Шепелева управлялъ его крѣпостной человѣкъ—Иванъ Кочетовъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большое семейство, состоящее изъ семи человѣкъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и пяти дѣвочекъ. Три старшія дочери состояли актрисами при барскомъ театрѣ. Марія—была драматической артисткой, Елизавета—пѣла въ оперѣ, а третья—Любовь, танцевала въ балетѣ. Остальные потомки этого артистическаго семейства, за малолѣтствомъ, хотя официально на театральной службѣ не состояли, но это нисколько не мѣшало помѣщику призывать ихъ иногда на служеніе Терпсихорѣ или Мельпоменѣ и употреблять въ качествѣ декорации, при постановкѣ какихъ-либо помпезныхъ пьесъ, въ дни торжественныхъ

А. П. Чеховъ.

(† Въ ночь на 2 іюля въ Баденвейлерѣ).

представленій. Однажды на сценѣ шепелевскаго театра шла опера, которую кичливый баричъ-мещанъ давалъ ради пріѣзда къ нему какой-то италіанской знаменитости. Въ этой оперѣ партія сопрано была поручена Елизаветѣ Кочетовой. Знаменитость, повидимому, пришла въ восторгъ отъ исполненія Кочетовой ея роли, потому что на другой день помѣщикъ, призвавъ къ себѣ управляющаго, сдѣлалъ ему такое предложеніе:

— Твоя Лиза положительно талантъ, а таланты слѣдуетъ развивать. Ей представляется удобный случай поѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу, откуда она возвратится къ тебѣ настоящей артисткой, способной удивлять своимъ голосомъ не только насъ, но быть можетъ цѣлую Россію. Что ты на это скажешь, мой милый?

Кочетовъ страстно любилъ свою семью.—«Какъ, отпустить Лизу, такую молодую дѣвочку, почти ре-

МИНУВШІЕ ДНИ *).

Семья Кочетовыхъ поселилась неподалеку отъ Выксы, въ какомъ-то крошечномъ уѣздномъ городкѣ (гдѣ именно—не припомню). Жизнь несчастныхъ изгнанниковъ далеко неприглядная,—какъ говорится: сѣренькая жизнь. Въ началѣ единственнымъ средствомъ къ существованію служили скудныя деньжонки, которыя зарабатывала Лиза уроками пѣнія и музыки (она не дурно играла на фортепіано). Но вотъ въ одинъ прекрасный день явилась проѣздомъ маленькая труппа какихъ-то жалкихъ кочевыхъ актеровъ. Лиза поступила актрисой въ эту труппу и вскорѣ со всей семьей переселилась въ Муромъ, гдѣ антрепренеръ труппы рассчитывалъ дать рядъ «блестящихъ» спектаклей.

Павловскій вокзалъ.

Эрнестъ Ванъ-Дейкъ.
(Теноръ). (Шаржъ).

Между тѣмъ смерть уже стояла за плечами старика Кочетова. Потеря любимой жены, изгнаніе изъ роднаго угла, непосильные труды дочерей, нищета, лишеніе... Несчастный не выдержалъ, и этотъ нѣкогда непреклонный, желѣзный человекъ сломился подъ ужасной тяжестью поразившихъ его бѣдствій—заболѣлъ и къ концу года умеръ. Его старшая дочь, Марья, еще раньше страдавшая припадками меланхолии, послѣ смерти отца помѣшалась окончательно. На нее стали находить порывы неудержимаго бѣшенства. Единственной опорой четырехъ сестеръ, ихъ единственной кормилицей, осталась Елизавета Ивановна, неопытная молодая дѣвушка, не знающая ни жизни, ни людей, безъ средствъ, одинокая, плохо образованная, знающая только читать да писать. Что могла она сдѣлать для семьи? Но какъ ни тягостны были условія, въ которыя втокнула ее жизнь на первыхъ порахъ, Елизавета Ивановна не потерялась. Безграничная любовь къ сестрамъ и сильная, почти не женская воля—

наслѣдіе отца,—дали ей средства въ одной себѣ найти опору и начать тяжелую борьбу за существованіе. Спокойно, смѣло встала эта замѣчательная дѣвушка лицомъ къ лицу къ своему грозному врагу—нуждѣ и... побѣдила. У нея было только два оружія—талантъ и любовь къ искусству. Первое—дало ей мѣсто оперной пѣвицы на нижегородской сценѣ, второе—сдѣлало ей успѣхъ. Занявши видное мѣсто въ театрѣ, Елизавета Ивановна опредѣлила туда-же, вполнѣдствіи, и младшую свою сестру—Любовь, въ качествѣ танцовщицы. Обстоятельства такимъ образомъ нѣсколько поправились—можно было жить не боясь за завтрашній день. Ужъ и это великое дѣло... Невольно вспоминаются слова поэта:

„Воля и трудъ человѣка
Дивныя дива творятъ!“...

Гнетущая нужда отступила передъ непоколебимой волей. Но едва миновала одна опасность, какъ уже во весь ростъ вытянулась другая, не менѣе грозная. Приходится защищать честь. Привлекательная наружность молодой артистки, ея прелестное, мелодичное сопрано—заслужили благосклонное вниманіе

самого начальника губерніи, и Его Превосходительство или даже Сіятельство (точно не знаю) возымѣлъ непреодолимое желаніе сдѣлать Елизавету Ивановну своей помпадуршей. Люди власть имѣющіе рѣдко церемонятся въ подобныхъ случаяхъ. Бѣдная дѣвушка, какая-то жалкая мѣщаночка, по мнѣнію сіятельной особы, должна была считать себя, конечно, счастливѣйшей изъ смертныхъ, что шаловливыя вождельнія сановника избрали ее, на этотъ разъ своимъ предметомъ. Передъ чѣмъ тутъ останавливаться, о чемъ соображать. Правда, онъ старикъ, онъ развратенъ и циниченъ до мозга костей—такъ что-же? Ничего. За то онъ князь, особа, начальникъ губерніи, великій, всемогущій человекъ. Онъ богатъ, какъ Крезъ, онъ осыплетъ ее золотомъ; а если черезъ мѣсяцъ, пресытившись, сладострастный старикъ выгонитъ ее отъ себя—и то не бѣда—она уйдетъ съ деньгами, которыхъ на долго—на долго хватитъ неприхотливой, не привыкшей къ роскоши простолюдинкѣ... Да наконецъ, развѣ стѣсняются передъ комедіантками, передъ актрисами—этими паріями общества... Очень можетъ быть, что всякая другая женщина, съ менѣе твердымъ характеромъ, очутившись въ положеніи Елизаветы Ивановны, и видя всю его безвыходность, закрывъ глаза на все, бросилась бы безъ оглядки въ ту бездну, на которую указывала ей властная сіятельная рука; можетъ быть даже, та, другая, увѣрила бы себя, что именно такъ и нужно ей поступить, что это совсѣмъ небезчестно, что жертвуя собой она спасаетъ близкихъ ей людей отъ всегда подстерегающей ихъ нищеты, страданій, голодной смерти... Да все можетъ быть, но не такова была Елизавета Ивановна, не такова была ея чистая дѣвственная, наивно прекрасная, чуть не дѣтская душа... Она не могла допустить такихъ компромиссовъ, такихъ сдѣлокъ съ своей совѣстью. Для нея день ея паденія—былъ бы и днемъ ея смерти. Борьба предстояла не равная, однако Елизавета Ивановна рѣшила бороться до послѣдняго.

Началось преслѣдованіе, самое безстыдное, подлое, съ подсылами, съ западнями, съ угрозами; созидалась цѣлая интрига, возмутительная и гнусная; шла охота за человѣкомъ. Нужно было добыть его во что бы то ни стало. Бѣдная дѣвушка чувствуетъ себя окруженной со всѣхъ сторонъ. Западня открыта—одинъ неосторожный шагъ и все кончено. Наглость готова уже перейти конечные предѣлы, но... о ужасъ!—не достигаетъ цѣли. Сіятельный вельможа не подозрѣвалъ, что у него былъ соперникъ, да при томъ кто-же? *Fi donc!* какой-то разночинецъ, цеховой, чуть не мастеровой съ площади!

Антипъ Григорьевичъ Стрепетовъ давно ужъ, едва ли не съ самаго пріѣзда Елизаветы Ивановны, безумно влюбился въ нее. Долго онъ таился, молчалъ, терпѣлъ, наконецъ не выдержалъ и сдѣлалъ торжественное предложеніе. Это случилось именно тогда, когда Елизавета Ивановна стояла между Сциллой и Харибдой, когда съ одной стороны ей грозилъ голодъ, съ другой—безчестіе. Рѣшался страшный: «быть или не быть»... Нечего и говорить, что она ухватилась за предложеніе Стрепетова, какъ утопающій хватается за соломинку, и съ благодарностью приняла его. Къ тому же Стрепетовъ былъ молодъ, красивъ, уменъ, вполнѣ самостоятеленъ (у него въ то время была уже своя собственная мастерская), о немъ, не смотря на его молодость, всѣ отзывались съ уваженіемъ, какъ о порядочномъ и честномъ человѣкѣ, и если Елизавета Ивановна не была влюблена въ него, то, во всякомъ случаѣ, онъ ей нравился. Эта дѣвушка, всегда строго относящаяся къ своимъ обязанностямъ, возведшая ис-

*) См. № 27.

помнѣніе долга чуть не въ принципѣ всей своей жизни, конечно, могла впередъ поручиться за то, что никогда не внесетъ безчестія въ семью, никогда не сдѣлаетъ несчастнымъ человека, отдавшаго ей свое сердце. Она смѣло шла подъ вѣнецъ, прося Антипа Григорьевича лишь объ одномъ, чтобы сестры ея оставались при ней. Тотъ, разумеется, съ радостью согласился и черезъ нѣсколько дней Лиза Кочетова стала Елизаветой Ивановной Стрепетовой.

Хотя Елизавета Ивановна страстно любила сцену, но по выходѣ замужъ она не могла уже всецѣло принадлежать ей: пошли дѣти, при томъ жизнь съ ее мелочными заботами и хлопотами, наконецъ гоненія озлобленнаго ловецка, пошла театральная интрига, начавшаяся съ пріѣзда извѣстнаго въ то время актера Милославскаго, старшагося, изъ всѣхъ силъ, сдѣлать свою возлюбленную — актрису Ш. звездой первой величины и не шадившаго никого и ничего для достиженія такихъ благородныхъ цѣлей... Гдѣ же тутъ заниматься искусствомъ? дай Богъ только уцѣлѣть да удержать кусокъ хлѣба, чтобы его не вырвали изъ рукъ лихіе люди. Впрочемъ, благодаря совмѣстному труду, первые года, Стрепетовы жили сравнительно безбѣдно. У нихъ была довольно удобная квартира, на главной улицѣ, они имѣли даже свою лошадь, свою корову... Понятно, скуднаго жалованья Елизаветы Ивановны и заработка парикмахерской Антипа Григорьевича далеко не хватило бы на такую обстановку, если бы сами обстоятельства не сложились на этотъ разъ въ пользу Стрепетовыхъ. Дѣти у нихъ не жили, они точно боялись быть лишнимъ бременемъ на плечахъ родителей и умирали одинъ за другимъ. Безуміе Маріи Кочетовой перешло всякіе предѣлы возможнаго: въ припадкахъ бѣшенства она стала доходить до такого изступленія, которое грозило опасностью окружающимъ, и волей-неволей пришлось помѣстить ее въ больницу, гдѣ она впоследствии и скончалась; а тутъ подошелъ холерный годъ — умерла Любовь Ивановна (танцовщица), Наталья Ивановна вышла замужъ за актера Аѳонасьева... Такимъ образомъ при Стрепетовой осталась одна Надежда, самая младшая сестра, съ которой она по разлучилась уже до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни.

Елизавета Ивановна, также какъ и мужъ ея, никогда не могла быть довольна только своимъ личнымъ благосостояніемъ. Они оба вѣчно искали случая раздѣлить это благосостояніе съ кѣмъ нибудь изъ бѣдныхъ, сирыхъ, обиженныхъ и обездоленныхъ, кого такъ много разбросано по матушкѣ святой Руси.

«На ловца и звѣрь бѣжитъ», говоритъ русская пословица. Стоитъ только пожелать — случай же всегда найдется. Однажды дошелъ до нихъ слухъ, что какая-то несчастная жертва голода, обманутая богатымъ купеческимъ сыномъ, произведя на свѣтъ ребенка, брошенная, умираетъ гдѣ-то въ подвалѣ. Какъ не помочь бѣднягѣ. Идутъ. Находятъ ее уже почти мертвой, въ ужасной обстановкѣ; стараются, на сколько могутъ, утѣшить, облегчить послѣднія минуты ея существованія, принимаютъ ее предсмертный вздохъ и увозятъ домой, неся на рукахъ ребенка, который съ этой минуты дѣлается членомъ ихъ семьи, ихъ сыномъ, ихъ безцѣннымъ Ваней, съ нимъ носятся, его ласкаютъ, окружаютъ заботами и попеченіями, его любятъ какъ родного, на него радуются, и къ этой радости не примѣшивается ни малѣйшей тѣни чего либо эгоистическаго. Они не гордятся своимъ поступкомъ, не кричатъ объ немъ, даже не сознаютъ всей его гуманности. Они это сдѣлали потому, что такъ приказало имъ сердце... Чѣмъ тутъ кичиться? О чемъ кричать?

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КІЕВЪ. Состоялись двѣ гастроли Л. В. Яворской съ собственной труппой. Шла пресловутая „Пляска жизни“. Князь В. В. Барятинскій писатель изобрѣтательный. Мысли включить въ свою пьесу „какъ-вокъ“ въ качества лейтъ-мотива, положительно превосходная мысль во всѣхъ отношеніяхъ. Гражданская скорбь съ приправой „какъ-вока“ способна расшевелить любопытство у каменнаго изваянія, а не только у постыдно равнодушныхъ къ талантамъ г-жи Яворской обывателей города Кіева. Театръ былъ полонъ. Несмотря на проливной дождь и начало юлія... Это было уже несомнѣннымъ торжествомъ искусства. Что сказать о пьесѣ? „Какъ-вокъ“ проходитъ въ ней, правда, не безъ оживленія, но видѣлъ, какъ танцуютъ этотъ танецъ на улицахъ Парижа, въ ночь 14-го Юлія, я не могъ не испытать легкаго разочарованія. Неудрно въ своемъ родѣ, но нѣтъ, какъ-бы сказать, настоящаго увлеченія... Темпераменту не хватаетъ... Рекомендую ки. Барятинскому перевести пьесу на французскій языкъ и сыграть ее въ Парижѣ; почти увѣренъ, что успѣхъ превзойдетъ всякія ожиданія. Развѣ у насъ могутъ цѣнить подобныя вещи? Насъ заѣла рутина. Все подавай логику, а спрашивается — на что она? Вадумалось автору въ интересахъ обличенія превратить миллионера, Залетова въ мелкаго воронку, утягивающаго подъ страхомъ уголовщины, какія-то двѣ несчастныхъ тмеченки изъ суммы благотворительнаго сбора, а ужъ близорукая критика кричитъ: это неправдоподобно! Между тѣмъ какъ парижская критика — она благовоспитанная. Исполненіе пьесы вполне отвѣчало глубинѣ ея содержанія. Вообще, это былъ спектакль для немногихъ. Бытовые отличія дѣствующихъ лицъ пьесы, всѣхъ этихъ „контовъ“ и „пронсовъ“ соблюдались гг. актерами съ такою удивительно тщательностью, что разобрать, о чемъ именно бесѣдовали между собой эти высокопоставленные господа и на какомъ языкѣ представлялось даломъ чрезвычайно затруднительнымъ. Во всякомъ случаѣ „болѣе ста представленій“, выдержанныхъ пьесой г. Барятинскаго въ Петербургѣ, заставляютъ меня преклониться предъ высокой культурой столичной публики. Въ Кіевѣ ужъ на второмъ спектаклѣ было много жиде, тѣмъ же порвонъ... *И. Николаевъ.*

СМОЛЕНСКЪ. Дѣла Басманова въ нынѣшнемъ сезонѣ очень посредственныя — холодная и дождливая погода сильно отразилась на сборахъ. Репертуаръ снѣжаный, порядочно мелодрамъ, при чемъ театральными объявленіями столичнымъ театрамъ приписываются подчасъ пьесы, вовсе тамъ не идущія. Режиссируетъ спектаклями нынче, рядомъ съ Басмановымъ, и Абловъ, но, къ сожалѣнію, режиссерская часть по сравненію съ прошлымъ годомъ значительно понизилась: многія пьесы ставятся невнимательно, декорации — сильно истрепавшіяся — не мѣняются, объ обстановкѣ мало заботятся.

Главной силой въ труппѣ является, знакома уже намъ, С. В. Писарева, тонкая артистка, особенно для современнаго репертуара. Интересную *ingénue dramatique* (только не для сильныхъ ролей) имѣетъ труппа въ лицѣ Кварталовой. Въ игрѣ ея много искренности и правдивости; склонность г-жи Кварталовой — слишкомъ часто прибѣгать къ задыхающемуся, прерывистому тону голоса. Общанный на роли любовниковъ Агаревъ до сихъ поръ еще не появился, и весь репертуаръ несетъ на своихъ плечахъ В. П. Николаевъ, ни въ одной роли изъ тѣхъ, въ которыхъ я его видѣлъ пока, не оставившій вполнѣ цѣльнаго и глубокаго впечатлѣнія. Попржежнему полезнымъ артистомъ остается Абловъ, удачно сыгравшій нѣсколько ролей, и большую работу несетъ на себѣ г-жа Сѣверова (драм. и ком. старуха). Что касается до Кусковой (*dr. dame*) и Вербина (комикъ), то первая обнаружила совершенно излишнюю склонность къ паѳосу и декламации, а второй питаетъ искреннее пристрастіе къ шаржу. Но, впрочемъ, подводитъ — итоги дѣятельности артистовъ еще рано... Изъ театральнаго событій необходимо отмѣтить „гастроль“ Яворской съ „Пляской жизни“, за удовольствіемъ слушать крикливо-мелодраматическія завыванія артистки („безъ помощи суфлера“) публика должна была платить непомѣрнымъ цѣны. Въ общемъ, если бы исключить г-жу Яворскую, то спектакль прошелъ бы, пожалуй, интереснѣе, благодаря хорошей игрѣ г. Радина и М. П. Дагмарова. Вторымъ событіемъ явился бенефисъ г. Николаева, поставившаго собственную драму въ стихахъ „Забутыя слова“, суть которой въ томъ, что въ буржуазно-зажиточной семьѣ обитаетъ между прочимъ непокорный сынъ, по ремаркѣ автора художникъ, по ходу пьесы — человекъ безъ определенныхъ занятій. Рѣзкое противорѣчіе измѣненной и пресмыщенной жизни рядомъ съ полуживотнымъ существованіемъ выброшенныхъ за бортъ тысячъ голодныхъ обитателей ночлежныхъ приютовъ, выбиваетъ его изъ колеи спокойнаго и беззаботнаго существованія, вызывая постоянно передъ глазами изуренныя лица и согбенныя спины... На этой почвѣ у него развивается мысль идти въ ночлежку и поселиться среди забытыхъ людей... Однако, вмѣсто психическаго анализа душевнаго процесса героя, авторъ постарался наговорить какъ можно больше громкихъ и нужныхъ речей, въ результатѣ чего получилась пьеса а *théâtre* — точно каменная и совершенно неинтересная. *Б. Луи*

ное наслаждение. Захватъ художника можетъ быть болѣе или менѣе широкъ и глубокъ, и все-таки именно въ самой своей сущности художники несоизмѣримы. Каждый даетъ свою красоту, каждый, какъ цвѣтокъ, имѣетъ свое особое благоуханіе, свои особые радужные лепестки. Такимъ чистымъ, прекраснымъ, искреннимъ и потому *новымъ* художникомъ былъ Чеховъ. Онъ создалъ свой совершенно оригинальный родъ поэзіи, которому по духу такъ близка поэзія картинъ другого еще недавняго покойника Левитана,—изящный, грустный „чеховскій“ лиризмъ въ эпической, реалистической формѣ, такой же какъ лиризмъ левитановскихъ пейзажей—нѣжный, отрадный и музыкальный, такъ ярко проникающій послѣднія драматическія произведенія, сквозящій даже въ нѣкоторыхъ юмористическихъ разсказахъ. И въ то же время рисункъ Чехова одними намеками — чудный, сжатый, широкій, опять-таки свойственный одному ему и глубоко-художественный. Чеховъ чистокровный художникъ, чуждый какому-бы то ни было учительству и преднамѣренности, не побоявшійся написать своихъ „Мужиковъ“, не смотря на грозящія персты корифеевъ изъ толстыхъ журналовъ и, наказыавшихъ-таки его, членовъ „Союза русскихъ писателей“, создавшій такую поразительную сильную и художественную вещь, какъ „Въ оврагѣ“. Современное свободное искусство, отдѣлавшееся наконецъ отъ всевозможныхъ „указокъ“ и „завѣтовъ“, давно уже выдохшихся и одряхлѣвшихъ, потеряло въ Чеховѣ одного изъ тѣхъ драгоценныхъ художниковъ, которые, сбросивъ оковы „человѣческаго“, во всей чистотѣ проявляютъ самое загадочное, глубочайшее и божественное изъ всего, что заложено въ человѣкѣ,—талантъ, и потому такъ прекрасно расцвѣтаютъ и такъ многое общають. Нельзя не грустить, что въ одномъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Москвы, гдѣ еще долго и все попрежнему часовой колоколъ на высокой красивой колокольнѣ будетъ отбивать минуты, а темно-зеленыя Воробьевы горы смотрѣть сквозь зубцы стѣны, подъ развѣсистыми деревьями, среди молчаливыхъ крестовъ и памятниковъ, такъ преждевременно пріютилась и навсегда останется безмолвной могила, засыпанная землей и цвѣтами.

А. Ростиславовъ.

МИНУВШІЕ ДНИ *).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Прошло три года. Елизавета Ивановна получила приглашеніе изъ Симбирска, гдѣ нуждались въ актрисѣ «съ голосомъ», и предлагали, сравнительно, довольно выгодныя условія. Не долго думая, она взяла съ собою пріемнаго сына Ваню и отправилась одна въ Симбирскъ. Антипъ Григорьевичъ, состоявшій въ то время на службѣ, въ качествѣ парикмахера, при нижегородскомъ театрѣ, не могъ сопровождать жену въ ея путешествіи. Онъ остался въ Нижнемъ съ свояченицей и старухой няней Евфросиньей Ивановной, очень оригинальнымъ существомъ, о которомъ мнѣ придется много говорить впослѣдствіи. Весь Нижній зналъ ее подъ именемъ «стрепетовской няни».

Квартира Антипа Григорьевича, въ то время, находилась на Покровской улицѣ, въ домѣ кондитера Кемарскаго. Это было небольшое, коричневое одноэтажное зданіе, съ маленькими окнами и маленькимъ, въ одну ступеньку крылечкомъ, выходящимъ на улицу какъ разъ подлѣ калитки, ведущей во дворъ.

Нижній, въ прошломъ, не могъ похвалиться особенной любовью къ чистотѣ, неряшество было отличительной чертой этого города, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда это неряшество не представляло такого абсолютнаго въ своемъ родѣ совершенства, какъ въ описываемое время. По грязной, изрытой ухабами, мостовой, куда выбрасывались соръ и помой, куда стекали всевозможныя нечистоты съ еще болѣе грязныхъ дворовъ, спокойно разгуливали коровы, лошади, свиньи; собаки цѣлыми стаями

бѣгали взадъ и впередъ, находя себѣ обильную пищу на тротуарахъ. Тутъ-же, въ живописномъ безпорядкѣ, валялись трупы и скелеты различныхъ животныхъ, умершихъ частію естественною, частію насильственной смертью. Лѣтомъ страшная пыль, осенью и весною невылазная грязь, зимою—непроходимые снѣжные сугробы, и во всѣ времена года ужасный, пропитанный миазмами, смрадный, отвратительный воздухъ. Таковъ былъ Нижній въ 1850 году *), почти весь, за исключеніемъ главной улицы, на которой замѣчалось немного больше порядка.

Особенно ужасны были въ Нижнемъ осеннія ночи, тьма невозможная. Хотя по улицамъ и красовались толстые столбы, съ огромными неуклюжими фонарями, но фонари эти, своими тусклыми, прокопченными стеклами, еще болѣе увеличивали мракъ темныхъ октябрьскихъ ночей, распространяя вокругъ себя только чадъ и копоть.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда всѣ магазины уже кончили свою дѣятельность, когда жители благословеннаго города, ужиная, предвкушали вождельный покой безмятежнаго сна на мягкихъ пуховыхъ перинахъ—мальчикъ—подмастерье Антипа Григорьевича, выходя запирать парадныя двери парикмахерской, наткнулся на лежащій возлѣ самыхъ дверей небольшой кулечекъ, и вѣроятно не находя его особенно интереснымъ для себя, самымъ безцеремоннымъ образомъ швырнулъ ногою. Кулечекъ пискнулъ, и затѣмъ ясно послышался тихій дѣтскій плачь. Подмастерье такъ и ринулся назадъ. Ошалѣлый, въ ужасѣ вбѣжалъ онъ въ комнату Евфросиньи Ивановны.

— Няня... голубушка... у насъ не благополучно! У дверей... у парадныхъ... Батюшки страсти!.. кулекъ, не кулекъ... кто его знаетъ... Господи!

— Да что, говори, полоумный?.. Чего еще тамъ не благополучно?.. Какой такой кулекъ?—допытывала встревоженная, въ свою очередь, няня.

— Не знаю... посмотрите... Господи!.. Да гдѣ Антипъ Григорьевичъ... Пойдемте... страсть... нянюшка.. хозяинъ...—лепеталъ еле переводя духъ, бѣлый какъ мука, перепуганный подмастерье.

Весь домъ поднялся на ноги. Взяли свѣчи, пошли къ дверямъ. Дѣйствительно небольшой кулечекъ лежалъ на краю самой ступени крыльца. Его подняли, внесли въ комнату, развернули—тамъ оказался крошечный ребенокъ—дѣвочка, повидимому недавно рожденная, завернутая въ тряпки и при ней два куска сахару, неизвѣстно кѣмъ и для чего положенные. Ни письма, ни записки. Въ первый моментъ всѣ вдругъ, какъ водится, совершенно растерялись, потомъ заахали, забѣгали, засуетились. Начались догадки, вопросы, соображенія, совѣты... Прибѣжали какія-то сосѣдки, разсматривали ребенка, охали, качали головами, шептались, спрашивали о мельчайшихъ подробностяхъ происшествія, словно дѣло касалось ихъ особъ, словно отъ этого зависѣло ихъ личное благополучіе. Шумъ, гамъ, толкатня. Антипъ Григорьевичъ далъ знать квартальному и написалъ обо всемъ женѣ въ Симбирскъ, спрашивая ея совѣта, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Ему было жаль отдавать ребенка въ полицію. Елизавета Ивановна, конечно, не задержала отвѣтомъ. Она была вполне согласна съ мужемъ и просила его оставить дѣвочку въ ихъ семьѣ.

Обрадованный Антипъ Григорьевичъ немедленно назначилъ день крестинъ, пригласивъ крестнымъ отцемъ своего родственника по женѣ—актера Аюнасьева, крестной же матерью пожелала быть няня Евфросинья Ивановна.

*) См. № 29.

*) Такимъ онъ оставался и еще лѣтъ десять.

Аеонасьевъ задержался на репетиціи и не попалъ къ началу торжества; вслѣдствіи чего на половину обрядъ за него отправилъ самъ Стрепетовъ. Священникъ назвалъ дѣвочку Пеллагеей, такъ какъ это имя приходилось ближайшимъ на недѣль.

Кулекъ съ ребенкомъ былъ подброшенъ 4 октября 1850 года. Вотъ почему этотъ день я считаю днемъ своего рожденія.

II.

Первыя впечатлѣнія. Няня. Смерть крестнаго и дружба съ Лизой. Вечера въ комнатѣ крестной. Вліяніе сказокъ. Первое горе. Моя подруга Катя Т. Семейство Нестеровыхъ и Синичка. Наши визиты къ нимъ. Сѣрый человекъ. Нервные припадки. Учитель Левъ Егорычъ. Чтеніе романовъ. Повѣсть Тургенева. Знакомство съ Агнесой Линдеманъ. Старовѣръ Мелединъ. Переѣздъ съ квартиры и новыя лица.

Первыя впечатлѣнія ранняго дѣтства всегда какъ-то странно ложатся въ памяти. Трудно рѣшить, на-примѣръ, въ силу какихъ причинъ два, повидимому, совершенно одинаковые предмета производятъ на душу ребенка діаметрально противоположныя впечатлѣнія. Одно остается въ памяти его на всю жизнь, другое—исчезаетъ безслѣдно, хотя въ

Театръ «Озерки».

„Красная мантия“.
Г. Невѣринъ—Эчепаръ.
(Шаржъ).

данный моментъ, казалось, вниманіе ребенка было заинтересовано въ равной степени, какъ тѣмъ, такъ и другимъ предметомъ.

Вообще тотъ періодъ моего дѣтства пока организмъ жилъ еще инстинктами, пока разумъ еще спалъ—представляетъ собою рядъ самыхъ отрывочныхъ, безсвязныхъ, чисто внѣшнихъ воспоминаній. А потому я буду передавать ихъ также отрывочно, какъ отрывочно они живутъ въ моей памяти.

...Я была, вѣроятно, не болѣе какъ по другому году. Ходить я еще не умѣла, а ползала на четверенькахъ... Не знаю отчего, я сильно расплакалась. Чтобы какъ-нибудь успокоить, крестница Антипа Григорьевича взяла меня на руки и поставила на стулъ передъ окномъ, выходящимъ на улицу. Была зима. По улицѣ проѣзжалъ обозъ съ дровами. День былъ, должно быть, очень морозный, потому, что мужики, широко размахивая руками и похлопывая рукавицами, въ прыжку бѣжали возлѣ дровней... Я вдругъ перестала плакать. Меня, помню, особенно поразили тулупы мужиковъ, а главное ихъ круглыя мохнатые ушастыя шапки, ихъ заиндевѣвшія бороды... Мнѣ показалось, что это бѣгутъ не люди, а какіе-то чудные,—до сихъ поръ не виданные мною звѣрки...

...Потомъ смутно припоминаю еще другое обстоятельство. Дѣло происходитъ весною или лѣтомъ. Меня больную вносятъ на рукахъ въ большую комнату. На мнѣ одѣтъ поношенный, длинный муаровый бурнусъ на розовой выцвѣтшей подкладкѣ. Подходить мужчина огромнаго роста... «Здравствуй чиновша!» говоритъ онъ густымъ басомъ, нѣжно дотрагиваясь двумя пальцами до моей щеки. Онъ мнѣ показался похожимъ на лошадь. Этого человека я впоследствии часто видала. Звали его—«дядя Александровъ». Онъ былъ актеръ и всеобщій дядя, хотя родственниковъ въ Нижнемъ у него никогда никакихъ не было. Александровъ страстно любилъ дѣтей; онъ постоянно ласкалъ

насъ, и при этомъ, всѣмъ намъ надавалъ прозвища. Такъ, Ваню (приемыша)—онъ звалъ «калашникомъ», меня—«чиношей», Гришу (родного сына Стрепетовыхъ, тогда еще грудного малыша)—благословилъ названіемъ «нѣмца», вѣроятно потому, что Гриша былъ хилый, болѣзненный ребенокъ; а по глубокому убѣжденію дяди—Александрова всякій нѣмецъ именно тѣмъ-то и отличался отъ прочихъ людей, что онъ «тонокъ, какъ сѣрная спичка и всегда чѣмъ-нибудь боленъ»...

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВИЛЬНА. Товарищество оперныхъ артистовъ „киевского городского театра“, подъ дирекціей И. А. Шумана, закончило свои спектакли 7 июля. За два мѣсяца поставлены были 19 оперъ, давшихъ сборы: „Жизнь за Царя“ (отдѣльно и съ I актомъ „Руслана“)—837 р. и 467 р.; „Евг. Онѣгинъ“—346, 309, 324, 343, 620 (съ участіемъ г. Каміонскаго), 501 р. (бенеф. Бочарова); „Фаустъ“—336, 189, 276, 292, 250 р.; „Аида“—259, 240 и 279; „Демонъ“—345, 612, 342, 264, 830 (съ участіемъ г. Каміонскаго), 303; „Травиата“—209; „Пиковая дама“—640, 335, 241, 960 (гастр. г. Давыдова) и 189, „Самсонъ и Далила“—329, 190, 640 (гастр. Давыдова); „Карменъ“—612, 330, 264, 1030 (гастр. Давыдова); „Паяцы“—137, 930 (гастр. Давыдова); „Лакмэ“—397, 434, 418; „Мазепа“—492, 394, 530 (съ участіемъ г. Каміонскаго); „Русланъ“, I актъ, и „Паяцы“—361; „Риголетто“—282, 530 (гастр. г. Каміонскаго); „Юланта“ съ другими операми—381, 221; „Галька“—321, 169; „Гугеноты“—312, 288; „Царская невѣста“—424 и 519 р. (бенефисъ И. А. Шумана); „Русалка“—362; „Гензель и Гретель“—202 р. Всего взято 26 тыс. руб. (изъ нихъ надо вычесть часть сборовъ съ 3 спектаклей, откупленныхъ благотворительными обществами). Расходы на содержаніе оркестра, хора гарантированныя въ половинномъ размѣрѣ жалованья членамъ товарищества и плата гастролерамъ за каждый выходъ г. Давыдову по 250 р., а г. Каміонскому—125 р. превысили доходы на 3700 р. Этимъ не опредѣляется еще истинный размѣръ убытковъ, понесенныхъ г. Шуманомъ: имъ сдѣланы крупныя затраты на новые костюмы, декораціи, которыми товарищество пользовалось безвозмездно, какъ равно и театромъ, принадлежащимъ г. Шуману.

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ видно, что за исключеніемъ перваго, праздничныхъ, гастрольныхъ и двухъ бенефисныхъ спектаклей, всѣ сборы плохіе. Чтобы объяснить равнодушіе публики, сваливаютъ причины на холодные вечера, войну, клубы. Мнѣ кажется, что этимъ факторамъ приписано преувеличенное значеніе. Не мѣшали же они успѣху цирка, гастрольямъ Орленева, гастрольямъ Давыдова. Слабый же успѣхъ нѣкоторыхъ гастролей г. Каміонскаго объясняется тѣмъ, что шли оперы „Риголетто“, „Паяцы“, въ которыхъ онъ пользуется меньшей извѣстностью у публики. Съ нетерпѣніемъ публика ждала, на примѣръ, появленія его въ партіи „Фитаро“; но былъ поставленъ лишь первый актъ. Вообще репертуаръ послѣ первыхъ недѣль обнаружилъ тяготѣніе къ повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же оперъ. Хотя предварительный анонсъ передъ началомъ сезона возвѣщалъ о томъ, что стрепетованы и готовы къ постановкѣ много новыхъ для Вильны оперъ, но „Лакмэ“, „Юланта“ и „Гензель и Гретель“ оказались единственными „новинками“, увидѣвшими нашу сцену. Процвѣталъ заигранный репертуаръ: „Онѣгинъ“, „Демонъ“, „Пиковая дама“, „Фаустъ“, „Паяцы“ и др.—оперы, въ которыхъ виленцы сравнительно недавно слышали лучшія силы опернаго міра и русскаго и италіанскаго. Трудно было поэтому заинтересовать публику такимъ репертуаромъ.

Въ лицѣ г. Палицына мы имѣли опытнаго дирижера, поставившаго оркестръ на значительную и рѣдкую для лѣтней антрепризы высоту; похвалы заслуживаютъ также хоры. Ансамбль по большей части былъ приличный. Режиссеръ г. Гельротъ въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи, дѣлалъ все, чтобы постановки отличались опрятностью и тщательностью. Что касается исполнителей, то нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недочетовъ. Въ главныхъ партіяхъ, притомъ въ операхъ, чаще всего ставившихся, появлялись начинающія пѣвицы г-жи Калиновская и Зеленская. Это дало поводъ одному изъ мѣстныхъ рецензентовъ заподозрѣть г. Гельрота въ томъ, что „воспользовавшись денежной гарантіей И. А. Шумана, онъ превратилъ нашу сцену въ школу для приготовленія пѣвцовъ и пѣвицъ для Кіева“. На тенора г. Эрнста возложена была непосильная задача исполнять первыя партіи, съ которыми онъ справлялся не безъ большаго напряженія голоса; зато онъ хороше въ небольшихъ партіяхъ.

Хорошую память по себѣ оставили молодые гг. Бочаровъ

Обществѣ, и надѣюсь, что мой скромный починъ найдетъ откликъ среди товарищей.

Примите увѣреніе и пр. Антрепренеръ *Д. И. Басмановъ*.

М. г.! Просимъ Васъ не отказать помѣстить слѣдующее: Мы артисты, находясь на службѣ въ г. Бахмутѣ, гдѣ г-жа Волгина снимала театръ у С. И. Сорочана, считаемъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность за его товарищеское отношеніе къ намъ, за предоставленіе намъ театра для товарищескихъ спектаклей и за участіе въ этихъ спектакляхъ бесплатно. Просимъ С. И. Сорочана принять наше товарищеское спасибо! Ильинскій, Грининъ, Соловьева, Г. Барскій, Каменскій, Литвиненко, Бояровъ, Боярова, Стронская, Н. Высоцкій, К. Зенкевичъ, Чардынинъ.

ПОХОРОННАЯ КАССА СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

(Письма въ редакцію).

М. г.! Придавая большое значеніе похоронной кассѣ не только практическое, но и моральное, просимъ редакцію считать насъ въ числѣ лицъ, желающихъ примкнуть къ числу ея учредителей. Ужъ больно обидна для корпораціи заключительная фраза каждаго некролога артиста: „похороненъ на средства Т. О-ва.“
И. М. Вильгельмининъ. А. С. Селиванова.

М. г.! Вполнѣ соглашаясь съ мыслью учредить похоронную кассу сценическихъ дѣятелей, прошу уважаемую редакцію журнала „Театръ и Искусство“, занести мою фамилію въ число лицъ, желающихъ примкнуть къ числу учредителей. Позволю себѣ выразить личное мнѣніе: не слѣдуетъ ли имѣть при кассѣ еще болѣе доступный разрядъ, чѣмъ рублевый, вѣдь громадное большинство актеровъ—бѣднота, для которыхъ рублевая касса окажется недоступной.

Съ глубокимъ уваженіемъ *Е. Ев. Климовская.*

М. г.! Въ послѣднемъ номерѣ уважаемаго Вашего журнала, въ передовой статьѣ, разбирается вопросъ объ учрежденіи похоронной кассы. Сознвая пользу и желая скорого осуществленія столь симпатичнаго учрежденія, я спѣшу выразить редакціи свое согласіе.

Прошу редакцію разъяснить: имѣю ли я, какъ любитель, но не профессиональный артистъ—право быть членомъ означеннаго общества; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, прошу внести мою фамилію въ число учредителей. *А. Серебряковъ.*

Отвѣтъ ред. Думаемъ, что въ этомъ препятствія быть не должно. Чѣмъ больше будетъ участниковъ—тѣмъ положеніе кассы будетъ упроченнѣе. Вообще же, всѣ замѣчанія будутъ приняты въ соображеніе при обсужденіи устава.

М. Г.! Приношу Вамъ искреннюю благодарность за доброе намѣреніе основать такое необходимое учрежденіе для актеровъ, какъ похоронная касса. Сценическіе дѣятели оцѣнятъ Вашъ безкорыстный трудъ и поспѣшатъ воспользоваться Вашимъ сердечнымъ предложеніемъ.

Покорнѣйше прошу Васъ включить меня въ число учредителей проектируемаго Вами общества.

Съ глубокимъ уваженіемъ: *Ник. Ник. Пономаревъ.*

М. Г.! Вполнѣ сочувствую проекту о похоронной кассѣ и прошу зачислить меня въ число членовъ учредителей.

Артистъ *Гр. Фр. Демуръ.*

МИНУВШІЕ ДНИ*).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Я была далеко не тихаго нрава: часто капризничала, плакала, требовала непремѣнно того, что строго воспрещалось, и только тогда успокаивалась, когда исполняли мое желаніе.

Разъ вечеромъ, сидя съ крестной въ своей комнатѣ, я вдругъ чего-то попросила и получивши отказъ, расплакалась и развевалась на весь домъ. Отворились двери, вошелъ отецъ (Антипъ Гри-

горьевичъ) сильно пьяный, съ хлыстомъ въ рукѣ. Я не успѣла оглянуться, какъ ужъ лежала на полу и кувыркалась подъ ударами его хлыста. Няня, конечно, немедленно вырвала хлыстъ, выгнала отца вонъ изъ комнаты, взяла меня на руки, принялась цѣловать, ласкать, угаваривать, плакала надо мной, и тутъ впервые я услышала: «Ты не родная, тебя не любятъ—ты *подкидышъ!*».

Я до безумія любила няню, да и не странно: она не разставалась со мною. Мать, въ это время, была занята Гришей, который будучи самымъ младшимъ изъ насъ, требовалъ большаго присмотра, большихъ попеченій. Тетка, Надежда Ивановна, вѣчно ворчливая, всегда чѣмъ-нибудь недовольная старая дѣва—ходила за Ваней, а я оставалась постоянно возлѣ крестной, изливавшей на меня всю свою любовь и заботливость.

Моя крестная—Евфросинья Ивановна—заслуживаетъ особаго описанія. Это была небольшая, толстенькая, совсѣмъ квадратная старушка, съ очень маленькой головкой, густыми каштановыми волосами, низкимъ лбомъ и необыкновенно мягкими чертами лица. Особенно комичны были ея крошечные глаза, и какъ-то странно вздернутый, почти лишенный переносицы носъ, приютившійся на кругломъ рябоватомъ лицѣ. Евфросинья Ивановна, повидимому, никогда не была красива. Семилѣтнимъ ребенкомъ ее оторвали отъ родной семьи и продали за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Нижегородскую губернію, помѣщику Ликъ, у котораго она находилась долгое время въ числѣ дворовыхъ, и будучи уже взрослой дѣвушкой, въ порывѣ гнѣва пустила въ барина утюгомъ, за что и была отослана на скотный дворъ, гдѣ съ ней случилось новое несчастье—ее укусила бѣшенная корова, и если она спаслась отъ ужасной смерти, то, единственно, благодаря находчивости одного изъ служащихъ, поторопившагося выжечь ей раскаленнымъ желѣзомъ укушенное мѣсто.

Пришла она въ Нижній съ дочерью (откуда явилась у нея эта дочь—никому неизвѣстно) и поступила къ Стрепетовымъ въ качествѣ няни. Антипъ Григорьевичъ откупилъ ее у помѣщика, внеся 100 руб. и она осталась «заживать» у него эти деньги, по тогдашнему очень большія. За нѣсколько мѣсяцевъ, до появленія моего на свѣтъ, ея дѣвочка умерла холерой, а потому увидѣвъ во мнѣ какъ бы ниспосланную самой судьбой замѣну ея тяжелой утраты, она рѣшилась на мнѣ одной сосредоточить всю свою нѣжность и любовь. Ей непремѣнно хотѣлось быть матерью въ моихъ глазахъ, вслѣдствіе чего она ревновала меня ко всѣмъ, въ особенности къ Елизаветѣ Ивановнѣ. Съ теткой—Надеждой Иванов-

ТЕАТРЪ КАЗАНСКАГО.

Г-жа Тонни.

Рис. М. Демьянова. (Шаржъ).

* См. № 30.

ной—онѣ находились въ вѣчной, непримиримой враждѣ.

Никто въ домѣ Стрепетовыхъ не считалъ Евфросинью Ивановну лицомъ пришлымъ, чужимъ; напротивъ, она была какъ бы членомъ семьи; ее даже побаивался Антипъ Григорьевичъ. Буйный—во хмѣлю—онъ уступалъ ей безпрекословно. Не разъ случалось, что она весьма энергично выпроваживала его за дверь, когда, находясь въ нетрезвомъ видѣ, онъ намѣревался произвести какое либо буйство. Евфросинья Ивановна хлопотала по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства. Дѣятельная, суетливая, крайне подвижная, она, бывало, успѣетъ досмотрѣть вездѣ: въ домѣ, и въ кухнѣ, и на погребѣ, успѣетъ мимоходомъ покормить куръ, успѣетъ заглянуть и въ коровникъ, ее глазъ вездѣ присутствовалъ и все видѣлъ. Я, конечно, всегда съ ней и всюду ее сопровождаю, какъ неизмѣнный спутникъ, про-

никаю даже въ кухню, куда мнѣ матерью строго воспрещено ходить; а въ кухнѣ такъ весело, въ особенности, когда бываютъ работники; они такіе добрые, бывало шутятъ, смѣются, играютъ со мною. Они меня любили и не пропускали случая чѣмъ нибудь потѣшить. Разъ, я помню, одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ съ нимъ вѣнчаться. Я согласилась. Насъ поставили рядомъ, давъ каждому въ руки по вѣнику и три раза провели вокругъ лоханки. Всѣ страшно смѣялись; а я была очень довольна.

Мнѣ минулъ четвертый годъ, когда умеръ крестный—актеръ Аѳонасьевъ, давно уже страдавшій чахоткой. Смерть его была печальнымъ событіемъ для нашей семьи. И мать, и отецъ любили Аѳонасьева, помимо родственныхъ отношеній, просто, какъ хорошаго и честнаго человѣка. Онъ оставилъ жену и двоихъ

дѣтей: пятилѣтнюю дочь Лизу и сына Аѳоню, которому, передъ тѣмъ, едва-едва исполнился годъ. Аѳонасьевъ, будучи талантливымъ драматическимъ актеромъ, занималъ довольно видное мѣсто въ труппѣ, жизнь велъ трезвую и аккуратную, такъ что получаемого имъ жалованья всегда хватало на то, чтобы свести концы съ концами; но оставить семьѣ малую толику про черный день онъ не могъ: оклады актерскихъ гонораровъ были тогда до того скудны, что много нужно было имѣть сноровки и практической смѣтливости, чтобы въ домашнемъ обиходѣ умѣть довольствоваться однимъ жалованьемъ, не входя въ долги, которыхъ терпѣть не могъ крестный. Долговъ онъ не оставилъ, но зато и не оставилъ ни гроша даже себѣ на похороны. Туго пришлось бы бѣдной Натальѣ Ивановнѣ, если бы не выручили ее, въ это время, Стрепетовы. Похороны они справили на свой счетъ, а вдову и ребятъ оставили жить у себя.

Я съ Лизой скоро сдружилась, и пока тѣло по-

койнаго стояло въ домѣ—мы, съ ней, бѣгали по сосѣдскимъ пустырямъ, рвали цвѣты и украшали ими гробъ крестнаго, что намъ обѣимъ доставляло истинное наслажденіе. Мрачная обстановка смерти на насъ, дѣтей, не производила ровно никакого впечатлѣнія. Мы не чувствовали ее и, рѣзвясь, веселились какъ всегда.

Дружба наша росла съ каждымъ днемъ, мы никогда не ссорились, никогда не обижали одна другую. Разъ только мы поспорили, и то по поводу предмета очень важнаго, о которомъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, — мы поспорили о томъ, которая изъ насъ сильнѣе влюблена въ танцовщика Родольфа, въ то время часто приходившаго къ отцу, и чтобы доказать всю силу своей любви я, въ одно изъ вечернихъ посѣщеній черноусаго красавца, забралась подъ столъ, усѣлась у ногъ служителя Терпсихоры, и не дождавшись его ухода, заснула тамъ самымъ безмятежнымъ сномъ. Встревоженная моимъ отсутствіемъ няня насилу нашла меня потомъ, и несчастную жертву страсти немедленно уложили въ постель.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОДЕССА. Одесса продолжаетъ принимать гастролеровъ. Посѣтилъ насъ М. В. Дальскій, разъѣзжающій съ „Отцомъ“ Стриндберга; далъ нѣсколько спектаклей В. Н. Давыдовъ съ П. Д. Ленскимъ.

Въ Петербургѣ, сколько мнѣ кажется, „Отца“ еще не видѣли и ждутъ его къ зимнему сезону. Въ сущности, это мало сценичная пьеса.

Вопросъ, поставленный въ пьесѣ, довольно наивенъ и претенциозенъ въ своихъ основаніяхъ. Между прочимъ, на сценѣ *смирительная рубашка*, которая должна „сразить“ зрителя. На это, именно, бьетъ и г. Дальскій и въ сценѣ облаченія его въ смирительную артистъ очень сильно передаетъ мелодраматическій моментъ, когда ротмистръ, потерявшій рассудокъ, теряетъ и волю и съ дѣтской покорностью вѣдаетъ руки въ рубашку, подаваемую ему старой кормилицей. У насъ въ театрѣ эта сцена вызвала среди дамъ двѣ-три истерики, заразившія потомъ очень многихъ. Зрѣлище вышло довольно противное...

Эффектъ этотъ такъ понравился г. Дальскому, что онъ рѣшилъ использовать пьесу до крайней возможности. Онъ переигралъ ее во всѣхъ нашихъ театрахъ, сдѣлавъ въ общемъ вездѣ порядочные сборы.

Особенно грустное впечатлѣніе производило, скажу откровенно, явно лавочное отношеніе г. Дальскаго къ этому предпріятію. Въ качествѣ „труппы“ артистъ везетъ съ собою нѣсколько человѣкъ, впервые ступающихъ по подмостамъ (изъ нихъ два или три студента), каковая труппа со всѣмъ прочимъ, какъ самъ г. Дальскій съ „восторгомъ“ заявлялъ, стоитъ ему по 18 рублей въ вечеръ (?!), включая сюда и лампу, такъ какъ для каждаго спектакля нужна новая лампа. Дѣло доходитъ до того, что старуху кормилицу изображаетъ какой-то юноша, и вообще, антуражъ совершенно невозможенъ.

Съ большимъ удовольствіемъ мы встрѣтили товарищество петербургскихъ артистовъ съ В. Н. Давыдовомъ и П. Д. Ленскимъ во главѣ. В. Н. Давыдовъ старый любимецъ Одессы, которая съ наслажденіемъ его смотритъ и слушаетъ. Спектакли открыли пьесой А. С. Суворина „Вопросъ“.

Поставило товарищество „Вишневый садъ“ какъ было дважды обозначено на афишахъ „въ память Чехова“. Что это означаетъ: „въ память Чехова?..“

„Вишневый садъ“ и безъ смерти Чехова былъ труппою назначенъ къ постановкѣ.

Что касается постановки пьесы, то труппа не сдѣлала съ пьесой ничего выдающагося и не помогла памяти автора ничѣмъ. Я далеко не поклонникъ этой пьесы. Еще первый актъ написанъ свѣжо и оригинально—по-чеховски. Остальные акты производятъ впечатлѣніе не написанныхъ, а составленныхъ, частью по старымъ образцамъ самого Чехова. Роль Фирса г. Давыдовъ играетъ „по-кокленовски“, тонко, съ отгѣночками, но въ исполненіи артиста не чувствуется того лиризма, который необходимъ для общей гармоніи чеховской пьесы.

Воюетъ съ равнодушіемъ одесситовъ лѣтняя труппа г-жи Андросовой. Когда первые антрепренеры гг. Вершининъ и Штейнфинкель должны были сложить оружіе, взялась за это дѣло г-жа Андросова. Дѣло было поведено болѣе умѣло и сборы значительно поднялись. Но вскорѣ и г-жа Андросова

А. Д. Давыдовъ.

Рис. М. Демьянова. (Шаржъ).

МИНУВШІЕ ДНИ*).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Привязанность моя къ крестной становилась все сильнѣе и сильнѣе. Я не могла одной минуты оставаться безъ нее. Особенно любила я сидѣть съ ней по вечерамъ въ нашей маленькой комнаткѣ. Все въ домѣ, въ эти часы, какъ-то стихаетъ; всѣ сидятъ по своимъ угламъ и каждый молча занятъ своимъ дѣломъ. Мы уйдемъ бывало къ себѣ въ комнатку; крестная—помню—достанетъ чулокъ (ея любимая работа, въ часы досуга), зажжетъ сальный огарокъ, поставитъ его на лежанку, сама усядется на сундукъ. Я прижмусь, гдѣнибудь, возлѣ нея и все смотрю на нее, глазъ не сводя смотрю... Смотрю, какъ быстро двигаются спицы въ ея коротенькихъ пальцахъ, какъ она, то и дѣло, ощупываетъ клубокъ лежащей тутъ же, около ея поджатыхъ калачикомъ ногъ... и такая она покажется мнѣ вдругъ маленькая, коротенькая и смѣшная, что вотъ такъ и хочется расхохотаться на нее, и я чувствую, что люблю ее тогда еще больше, еще сильнѣе, за то люблю, что она и смѣшная, и маленькая, и моя крестная... А свѣча, между тѣмъ нагоритъ, въ комнатѣ станетъ темнѣе... мнѣ дѣлается отчего-то жутко... я перестаю смотрѣть на няню, взглядъ устремляется куда-нибудь въ уголь, гдѣ нѣтъ вовсе свѣта, гдѣ все черно, и я, съ ужасомъ жду, что вотъ-вотъ оттуда выскочитъ сейчасъ, что-нибудь страшное... Проходитъ минута, другая... въ углу все тихо и я успокаиваюсь, начинаю уже смѣлѣе оглядываться вокругъ... Вниманіе мое останавливается теперь лампада, точно звѣздочка горитъ она передъ стариннымъ образомъ Саваоа... Я начинаю вглядываться въ образъ, и мнѣ чудится, что глаза Саваоа глядятъ на меня какъ живые... Но я не боюсь ихъ, мнѣ даже нравится, что они такіе... Я сижу, какъ вкопанная, пристально-пристально слѣдя за ними... Но вотъ, въ комнатѣ посвѣтлѣло—няня сняла со свѣчки. Всѣ видѣнія мои исчезли, и я опять смотрю на няню, а она все точно о чемъ-то думаетъ, что-то вспоминаетъ... и такъ тихо-тихо кругомъ насъ, такъ хорошо... Няня вздохнетъ, бывало, разъ другой и запоетъ пѣсню грустную, заунывную, протяжную... Она другихъ не пѣла... Или станетъ причитать, а причитаніе—это ужъ не пѣсня, это скорѣе плачь, скорѣе стонъ чѣмъ пѣсня... Все оно состояло изъ одной сплошной ноты, тянувшейся безъ конца, какъ жалоба о тяжелой, невозвратной утратѣ. Эта нота то обрывалась, словно ей мѣшали гдѣ-то на днѣ души затаенныя, подавленные слезы, то вырываясь звенѣла и дрожала горькой, безотраднѣй тоской...

И по мѣрѣ того, какъ тянется нянина пѣсня, меня все больше, все глубже охватываетъ чувство непонятной пріятной грусти, мучительно сладкой тоски, и спросишь бывало:

— О чемъ это ты горюешь няня?

— Вспоминаю родныхъ своихъ, Поля, вспоминаю какъ маленькая была... дочку свою вспоминаю...—отвѣтитъ она и заплачетъ...

И я тоже заплачу. Въ сердцѣ вдругъ шевельнется что-то горькое, невольно придетъ мысль, что, вѣдь, и у меня нѣтъ родителей, меня они бросили, не любятъ... Никто не любитъ меня, никто, кромѣ крестной, я всѣмъ чужая, я сирота... Нѣтъ—хуже—

я подкидышъ!... И станетъ мнѣ такъ одиноко тогда... и странныя не дѣтскія мысли придутъ въ голову...

Хотя мать просила всѣхъ домашнихъ и знакомыхъ не говорить мнѣ, что я чужая, но няня изъ ревности постоянно твердила мнѣ объ этомъ.

Я была очень нервнымъ ребенкомъ, съ сильно развитымъ воображеніемъ, чему не мало способствовали, какъ кажется, сказки няни, которыя она иногда рассказывала намъ по вечерамъ, и которыя я очень любила. Въ особенности нравились мнѣ тѣ сказки, гдѣ дѣйствующими лицами являлись мертвецы, духи, или невѣдомыя, сверхъестественныя силы. Тогда я вся превращалась во вниманіе. Самой страшно, сердце вотъ такъ и хочетъ выскочить, мурашки бѣгаютъ по тѣлу, руки, какъ ледъ холодныя... Но все стою, все слушаю, боюсь перевести духъ, боюсь пошелохнуться... А послѣ, ночью, долго лежу возлѣ крестной и не могу сомкнуть глазъ: воображеніе уноситъ меня въ міръ сказочныхъ грезъ, со всѣми его героями и героинями, то страдающими отъ козней злыхъ вѣдьмъ, то побѣдоносно ихъ отражающими, съ помощью какого-нибудь благодѣтельнаго волшебника, непременно старика, съ бѣлою, какъ лунь бородою—обязаннаго, силою своихъ чаръ, всегда карать зло и награждать добродѣтель... Вдоволь нагулявшись въ страшномъ царствѣ тѣней я, наконецъ, засыпаю, но и во снѣ опять какіе-нибудь рыцари, на крылатыхъ коняхъ, да злая хвостатая чудовища, съ огромными открытыми ртами, летаютъ вокругъ и не даютъ мнѣ покоя. Я часто вскакиваю, въ просонкахъ, зову няню, и снова засыпаю только тогда, когда убѣждаюсь, что она здѣсь, подлѣ меня...

Мать запрещала рассказывать намъ сказки—но няня не внимала этимъ запрещеніямъ. У нея былъ свой взглядъ на воспитаніе и она строго держалась его, никого и ничего не слушая. Послѣ, когда мы стали больше, мать сама часто занимала насъ сказками, но характеръ ихъ былъ совершенно иной. Въ сказкахъ матери было, конечно, гораздо больше содержанія, а отличительной чертою ихъ являлось обиліе поэтическихъ образовъ, которые благотворно дѣйствовали на дѣтское воображеніе, не омрачая и не пугая его, какъ полныя ужасовъ, подъ часъ безтолковыя, сказки няни.

На девятомъ году меня постигло первое, сильное горе. Няня изъ-за чего-то поссорившись съ матерью (вообще, надо сознаться няня была всегда очень беспокойнаго нрава) переѣхала отъ насъ, нанявъ себѣ, напротивъ, маленькій флигелекъ въ одну комнату—нѣчто въ родѣ бани, гдѣ и поселилась. Съ уходомъ крестной весь складъ моей жизни круто измѣнился. За мной уже некому было ухаживать; я должна была сама заботиться о своемъ костюмѣ и все убирать за собой, а вскорѣ пришлось познакомиться, конечно, и съ иголкой, потому что ни штопать, ни зашивать за мною, по прежнему, было не кому. Мать призвала меня, указала гдѣ лежатъ мои вещи и сказала: что я теперь не маленькая, что мнѣ скоро девять лѣтъ и что я не должна быть бѣлоручкой, обращаясь за всякимъ пустякомъ къ чужой помощи, что мнѣ пора привыкать самой на себя работать, иначе изъ меня можетъ выйти, въ послѣдствіи, ни къ чему не пригодная незнайка; при этомъ просила аккуратнѣе обращаться съ принадлежащими мнѣ вещами.

Спать я ложилась теперь въ общей дѣтской, гдѣ всѣ мы размѣщались, за неимѣніемъ кроватей, на полу, на отдѣльныхъ тюфячкахъ. Сначала мнѣ было очень трудно привыкать спать безъ няни, клавшей меня всегда рядомъ съ собою, но потомъ, скоро свыклась я и съ этимъ неудобствомъ. Всѣ свобод-

*) См. № 31.

ные часы дня я, разумѣется, проводила у крестной, выслушивая сѣтованія и горькія жалобы на судьбу, лишаящую ее возможности находиться неотлучно при мнѣ и быть мнѣ полезной. Нечего говорить, какими упреками всегда осыпалась тутъ же, благодаря случаю, жестокосердная Елизавета Ивановна, виновная во всѣхъ бѣдахъ и несчастіяхъ, нарисованныхъ пылкимъ воображеніемъ разгнѣванной крестной.

Спустя нѣкоторое время уѣхала тетка Наталья Ивановна и сестра Лиза въ провинцію на службу при какомъ-то театрѣ. Я осталась одна въ обществѣ братьевъ и ихъ товарищей да отцовскихъ учениковъ—словомъ, въ мужской компаніи, видоизмѣнившей на время, всѣ мои увеселенія. Куклы отошли на задній планъ, имъ были предпочтены игры другого рода—преимущественно: въ бабки или козны. По вечерамъ, иногда только, вспоминала я о куклахъ заставляя переѣзжать ихъ, по нѣсколькимъ разамъ съ квартиры на квартиру т. е. изъ одного угла комнаты въ другой.

Впрочемъ, я скоро нашла себѣ новую подругу, вполне замѣнившую мнѣ Лизу. У матери брала уроки музыки дѣвочка лѣтъ одиннадцати—Катя Т.—дочь часовщика. Она-то и стала моей пріятельницей. Катя жила отдѣльно отъ отца, у своего дѣдушки, довольно богатаго купца, имѣвшаго собственный домъ и часовой магазинъ. Это былъ дряхлый, больной старикъ, въ противоположность женѣ, еще свѣжей, красивой и цвѣтущей здоровьемъ блондинкѣ. Все въ домѣ у нихъ велось на старинный купеческій ладъ, хотя оба одѣвались по модному. Они жили не таровато, но чрезвычайно уютно и опрятно. Нижняя часть дома, самая большая—занята была магазиномъ; хозяйка же помещалась наверху, въ мезонинѣ, раздѣленномъ на двѣ половины. Въ одной—гдѣ были лощенные полы, чинно разставленная тяжелая хорошая мебель, большой кіотъ, краснаго дерева, съ образами, въ дорогихъ золотыхъ и серебрянныхъ ризахъ, всегда горящія лампы, герань, плющъ и гортензіи, на огромномъ, чуть не во всю стѣну, полукругломъ окнѣ—жили старики, другая половина вмѣщала въ себѣ столовую и классную Кати.

Катя была кумиромъ обоихъ супруговъ и ихъ единственнымъ утѣшеніемъ. Изъ дома они никуда не выходили, кромѣ церкви, и потому на внучкѣ сосредоточивали всѣ интересы своей затворнической жизни.

Мнѣ очень нравилось бывать у Кати. При домѣ ихъ былъ большой чистый, мощный дворъ, гдѣ намъ съ Катей позволяли играть; но не онъ былъ любимымъ, а примыкавшій къ нему—такъ называемый задній дворъ, въ сущности совершенный пустырь, весь изрытый ямами, поросшими бурьяномъ, репейникомъ, крапивой и огромными лопухами. Тамъ и сямъ валялись на немъ, въ беспорядкѣ разбросанныя, бревна; по сторонамъ тянулись какіе-то длинные дощатые заборы; въ нижней части двора находилась низенькая калиточка, ведущая на *Зеленскій съездъ*, гдѣ жили духовныя лица—съ одной стороны и театральныя мелкія люди—съ другой. Вотъ этотъ-то пустырь мы и посѣщали, всего охотнѣе.

Я была капризна, а Катя еще больше. Мы часто ссорились, но, впрочемъ, ссоры наши всегда очень скоро кончались мировой и не измѣняли нашихъ дружескихъ отношеній. Катя имѣла несомнѣнный музыкальный талантъ. Мать часто говорила, что если бы ей дать серьезное музыкальное образование, то изъ нее вышла бы, вполнѣ, далеко не дюжинная виртуозка. Подлѣ Кати и я было начала

заниматься музыкой, но особенными способностями не отличалась; къ тому же самое ученіе шло, по большей части, урывками: учусь бывало, недѣлю—другую, а тамъ—смотришь—понадобятся деньги—инструментъ продадутъ—и я опять на цѣлый годъ безъ музыки, до новаго случая, когда судьба смиляется и у насъ въ домѣ, неожиданно—негаданно, опять появится какое-нибудь старое пианино.

Дѣла отца пошатнулись, пошли хуже, и по мѣрѣ того, какъ мы все дальше да дальше спускались къ концу Покровки, отыскивая болѣе дешевое помещеніе, я совсѣмъ потеряла изъ виду Катю и только лѣтъ шесть спустя узнала, что она вышла замужъ за чиновника и умерла первыми же родами.

ЛѢТНІЕ ТЕАТРЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

Парижъ, 24 іюля.

Жара небывалая. Парижскіе „старожилы“ увѣряютъ, что они не запоминаютъ ничего подобнаго. Дѣйствительно, 35 градусовъ въ тѣни—довольно нестерпимая температура, и газеты чуть ли не ежедневно публикуютъ списки умершихъ отъ солнечнаго удара, и списки довольно длинные, такъ чело-вѣкъ въ 6—10 приблизительно. Неудивительно, поэтому, что днемъ живетъ на улицахъ только дѣловой Парижъ. Остальные, остающіеся въ городѣ парижане, и преимущественно туристы, начинаютъживать только вечеромъ. Лѣтніе театры, гнѣздящіеся въ зелени Champs Elysées переполняются часовъ съ 9, когда жара спадаетъ окончательно и когда можно вздохнуть болѣе или менѣе свободно.

Театрики эти организованы нѣсколько иначе нежели наши. Я не говорю о богатствѣ постановки разнаго рода феерій, о разнообразіи номеровъ, объ исполненіи—это внѣ всякаго сравненія съ нашими. Правда, зрители здѣсь платятъ много дороже нашихъ. Входная плата, на примѣръ, въ театрѣ Morgny, только за одно право входа (billet pro-menoir)—3 франка. У насъ, даже въ Акваріумѣ, это бываетъ рѣдко, въ видѣ исключенія! Насъ, русскихъ, едва-ли не больше чѣмъ богатство постановки поражаетъ другая, бытовая сторона, этихъ театриковъ. Входите вы, хотя бы въ садъ Aux Ambassadeurs. Одинъ изъ ближайшихъ къ вамъ „гарсоновъ“ указываетъ радушно вамъ мѣсто, получаетъ съ васъ стоимость этого мѣста и не выдаетъ вамъ никакихъ билетовъ. Все просто. Затѣмъ, передъ вами, на спинкѣ стула сидящаго vis à vis, устроено нѣчто въ родѣ столика. Подходить къ вамъ „человѣкъ“, спрашиваетъ, что вамъ угодно: кофе, пиво, ликеръ—и принести извѣстную порцію, не требуя уже за это добавочной платы. Французы сидятъ, потягиваютъ пиво, кофе и смотрятъ пьесу. Нѣтъ необходимости бѣгать въ буфетъ или же ждать антракта для того, чтобы выпить стаканъ пива. Все это здѣсь.

Теперь, впрочемъ, здѣсь проводятъ такимъ способомъ время не только французы, но и иностранцы. Чаше всего слышится англійская рѣчь, но бываютъ и представители другихъ національностей. Я встрѣтилъ здѣсь нѣсколькихъ русскихъ, а рядомъ со мной сидѣла цѣлая семья поляковъ, оживленно разговаривавшихъ по-польски и думавшихъ, конечно, что ихъ здѣсь никто рѣшительно не понимаетъ.

Повидимому, присутствіе иностранцевъ отражается и на

Г. Кошевскій (шаржъ).

Рис. М. Демьянова.

Между сестрами милосердія мнѣ мелькнуло знакомое лицо, но скромный костюмъ съ крестомъ на груди, утомленіе и работа, видимо измѣнили сестру настолько, что я не могъ припомнить, гдѣ я ее видѣлъ. А что видѣлъ и даже много разъ, въ томъ я былъ убѣжденъ.

Улучивъ минуту, я подошелъ къ ней съ вопросомъ, не встрѣчались-ли мы съ нею въ Россіи.

Внимательно взглянувъ на меня, она улыбнулась и, размѣшивая какое-то питье, отвѣтила:

— А что, меня, должно быть, трудно теперь узнать? Вы меня видѣли въ N, гдѣ я играла въ лѣтней труппѣ.

Я горячо пожалъ ей руку и выразилъ свое изумленіе по поводу того, что пришлось ее видѣть здѣсь, на полѣ сраженія, послѣ драматической сцены.

— Да вѣдь и это драма, да еще какая! отвѣтила она съ грустной улыбкой,—а теперь извините, мнѣ нужно къ больному,—и, пожавъ мнѣ руку, она отошла. Черезъ минуту я уже видѣлъ, какъ она, склонившись надъ тяжело дышавшимъ раненымъ солдатомъ, подавала ему пить, заботливо поддерживая его перевязанную голову.

Капитанъ П.

МИНУВШІЕ ДНИ*).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Послѣ одной изъ подобныхъ поѣздокъ со мною случилось нѣчто такое, что потомъ оставило во мнѣ на всю жизнь глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Событіе это носить на себѣ странный, таинственный, чисто фантастическій характеръ. Какъ объяснить его: излишней ли напряженностью нервной системы, сильной ли впечатлительностью, не подѣтски развито воображенія или, наконецъ, какими-нибудь другими особенностями моего организма—я не знаю.

Дѣло было такъ. Мы нанмали квартиру на большой Покровской улицѣ, на дворѣ во флигелѣ, противъ котораго шагахъ въ пятидесяти—возвышался двухъэтажный домъ, обитаемый самой хозяйкой; задній планъ двора занимали сарай и садъ, съ палисадникомъ, впереди ворота съ калиткой на улицу. Такъ какъ и домъ и флигель помѣщались въ серединѣ двора, то чтобы попасть въ нихъ неизбежно нужно было пройти калиткой. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что пространство, отъ воротъ до самыхъ зданій, представляло весьма значительное разстояніе.

Былъ превосходный сентябрьскій день. Мы, получивъ приглашеніе, отправились къ Нестеровымъ и, по обыкновенію, послѣ бани и чая, передъ вечеромъ еще засвѣтло воротились домой. Снявъ съ себя все лишнее, я въ одной блузѣ выскочила на крыльцо, намѣреваясь до заката солнца поиграть на дворѣ. Напѣвая и рѣзвясь перепрыгивала я одну за другой ступеньки нашей маленькой лѣсенки и... вдругъ, моментально, на самой ея серединѣ, остановилась, какъ пригвожденная. Въ отворенную дверь крыльца я увидѣла прямо, передъ собою, фигуру человѣка, средняго роста, въ сѣромъ военномъ пальто на распашку, и бѣломъ жилетѣ... Онъ стоялъ въ двухъ, много трехъ шагахъ отъ меня, съ непокрытой головой, съ безпомощно опущенными руками, стоялъ неподвижно, какъ изваяніе. Чудные глаза, полные невыразимаго страданія, были устремлены на меня... На блѣдномъ, точно гипсовомъ лицѣ его лежала печать страшной, безысходной скорби. Только у умирающихъ бываютъ такія лица, только люди безвозвратно потерявшие все завѣтное, все дорогое въ жизни могутъ быть такъ глубоко несчастны. Я и теперь, двадцать лѣтъ спустя, живо помню это лицо,

съ черными небольшими бакенбардами на впалыхъ, мертвенно-блѣдныхъ щекахъ, этотъ тонкій, прямой носъ, эту голову съ рѣдкими каштановыми волосами и глаза... ужасные, глубокіе глаза съ ихъ застывшимъ, неотступно-смотрящимъ взглядомъ.

Вглядѣвшись въ стоявшаго передо мною человѣка—я съ дикимъ крикомъ бросилась назадъ, въ два прыжка очутилась въ комнатѣ, умоляя всѣхъ поскорѣе выдти на крыльцо и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Мой испугъ, конечно, такъ встревожилъ присутствующихъ, что и большіе и малые, всѣ почти разомъ выбѣжали на дворъ, но... увы, тамъ была полнѣйшая пустота—незнакомецъ исчезъ,—куда? неизвѣстно. Обошли весь дворъ, спрашивали сосѣдей—никто не видѣлъ никакого офицера; навели еще нѣсколько справокъ и затѣмъ успокоились, порѣшивши, что просто мнѣ это такъ показалось. Но я думала иначе... Мнѣ не показалось—нѣтъ! Я ясно, отчетливо видѣла человѣка въ сѣромъ пальто. Образъ его запалъ мнѣ въ душу и не давалъ покоя. Я все думала: къ кому приходилъ этотъ странный, загадочный человѣкъ? Зачѣмъ онъ появился на одну минуту и скрылся неизвѣстно куда? Отчего онъ былъ съ открытой головой и такъ пристально, печально смотрѣлъ на меня, точно просилъ о чемъ-то?.. Зачѣмъ спрашивала я себя постоянно, холодѣя отъ ужаса, при одномъ воспоминаніи какъ глядѣлъ на меня тотъ тусклый, точно изъ бездны, изъ вѣчности обращенный взоръ?..

— Должно быть отецъ мой приходилъ ко мнѣ прощаться передъ смертью!—наконецъ заключила я.

Всѣ нимало хохотали надъ такимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ выводомъ.

А призракъ сѣраго человѣка долго тревожилъ меня по прежнему. Каждый день, послѣ описаннаго происшествія, въ сумерки на меня находилъ безотчетный страхъ, и тогда я сама не сознавала своихъ поступковъ; я превращалась въ какое-то дикое, полусумасшедшее существо. Младшій братишка Гриша въ эти моменты страшно пугался меня и съ крикомъ бѣжалъ прочь.

Наконецъ дѣло дошло даже до галлюцинацій. Помню такой случай: гуляя въ саду одна, я за что-то разсердилась на бывшую

у меня въ рукахъ куклу, и, сильно ударивъ ее, бросила на землю. Прошло минутъ пять; наступили сумерки; вспомнивъ, что пора идти домой, я возвратилась къ тому мѣсту, гдѣ лежала наказанная кукла, чтобы взять ее съ собою. Но что это! мнѣ показалось, что кукла пошевелилась. Я остановилась и стала пристально наблюдать за ней. Фарфоровые глаза куклы смотрѣли на меня какъ живые, и смотрѣли мстительно, съ неукротимой злобой; сдѣлай, казалось, я еще одинъ шагъ къ ней—она бросится и задушитъ меня. Когда я прибѣжала домой, я была блѣдна какъ смерть, дрожала и все оглядывалась, страшась преслѣдова-

Вступительный экзаменъ въ музыкальную школу.

(Шаржъ) М. Д-овъ.

*) См. № 33.

ня. Меня едва могли привести въ сознание. . . . .

Къ концу года со мной случилось новое несчастье. У меня обнаружилось, до тѣхъ поръ никѣмъ незамѣченное искривленіе позвоночнаго столба. Увидавъ, поехали, потужили, и сочтя болѣзнь неизлечимой, предоставили все самой природѣ.

Въ 1859 году, когда мнѣ исполнилось девять лѣтъ—началось мое научное образованіе.

Я училась вмѣстѣ съ братьями. Для этой цѣли былъ приглашенъ, за три рубля въ мѣсяць, старичекъ Левъ Егорычъ, изъ семинаристовъ, который аккуратно почти каждый день являлся къ намъ въ назначенный часъ. Пробѣтъ бывало три часа, открываются двери и появляется длинная, тощая, горбоватая фигура Льва Егоровича, съ мѣдными круглыми очками на огромномъ сизомъ носу, одѣтая въ длинное нанковое сѣраго цвѣта пальто, такого же цвѣта нанковые панталоны, и съ высокимъ чернымъ галстукомъ на шеѣ. Войдя, Левъ Егоровичъ непремѣнно становился въ первую позицію, и тутъ какъ-то особенно бросались въ глаза ступни его большихъ ногъ, степенно раскланивался, медленно и важно приближался къ учебному столу, усаживался, нюхалъ табакъ, поправлялъ височки своихъ рыжеватыхъ, безъ малѣйшаго признака сѣдины, а la Грибоѣдовъ, причесанныхъ волосъ и приступалъ къ занятіямъ. Въ обращеніи съ нами онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, снисходителенъ и терпѣливъ. Этимъ тремъ качествамъ онъ не измѣнялъ даже въ такія минуты жизни, когда на его желтыхъ щекахъ игралъ подозрительный румянецъ и выступали краснобагровыя жилки, а на кончикѣ сизаго носа появлялись темно-коричневыя табачныя пятна, признакъ нѣкоторой невнимательности къ нему, со стороны хозяина, при чемъ частые, глубокіе вздохи распространяли вокругъ запахъ чего-то... чего-то похожаго на запахъ водки...

Вѣроятно, въ теченіе своей многолѣтней практики Левъ Егоровичъ ни разу не встрѣчалъ ни одного ученика и ни одной ученицы, которые бы, подобно мнѣ, такъ злоупотребляли его, поистинѣ ангельскимъ терпѣніемъ. Переводя, на примѣръ съ французскаго на русскій, я вопреки указаніямъ учителя, вдругъ начну, бывало, переводить по своему, употребляя совсѣмъ не тѣ слова и выраженія, которыя требуетъ учитель, или притворюсь ничего непонимающей во время его объясненій. Какъ ни бьется, какъ ни хлопочетъ старикъ сдѣлать удобопонятными для меня свои толкованія, я все сижу истуканомъ да хлопаю глазами. Тогда Левъ Егоровичъ, видя мою непреклонность, кончалъ всегда только тѣмъ, что складывалъ книгу и говорилъ съ добродушной улыбкой:

— Ну-съ, очевидно, предлагаемый предметъ, на сей разъ, не любопытенъ вамъ, отложимъ его до болѣе благопріятнаго случая, и займемся чѣмъ либо другимъ.

Являлась на сцену географія, чистописаніе или Законъ Божій. Впрочемъ, когда не капризничала, я училась хорошо, быстро усваивала и задаваемые уроки и комментаріи Льва Егоровича. Въ теченіе двухъ лѣтъ мы прошли: изъ Закона Божія—оба завѣта, русскую грамматику—до правописанія, четыре правила ариѳметики, всю начальную географію и изъ французскаго языка (ему я училась одна, братьямъ не преподавали) я начинала довольно сносно переводить изъ Марго нѣкоторыя упражненія. Но тутъ умеръ Левъ Егоровичъ, и мы принуждены были на самомъ интересномъ мѣстѣ кончить курсъ

нашего ученія. Думали было отдать меня въ только что открытую въ Нижнемъ женскую гимназію; но мать не рѣшилась, боясь *вольнодумства* и *нигилизма*, которыми, по ея мнѣнію, отличалась всякая гимназія. Хотя мать была далеко не глупая женщина, много читавшая и значительно выдѣлявшаяся изъ среды людей ея круга,—однако въ силу преданій, она считала лучшей системой воспитанія ту систему, которая царствовала въ ее время, косо глядя на всякія новшества въ дѣлѣ педагогіи, какъ на что-то порочное, растлевающее юношество.

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО КОСТРА.

(Отъ нашего виленскаго корреспондента).

Въ ночь на 22 августа, около 2 часовъ, прохожими были замѣчены язычки пламени, выбивавшіеся изъ-подъ крыши громаднаго дома Смаженевича надъ фасадомъ Большаго театра, занимающимъ часть этого зданія. Черезъ полчаса обширный театръ представлялъ огненное море, поглотившее зрительную залу, сцену, кулисы. А еще черезъ часъ, когда огонь перекинуло на сосѣдную гостиницу „Бристоль“, отъ театра остались только одни кирпичи, да желѣзныя балки.

Такое бурное дѣйствіе пламени съ очевидностью указываетъ, что, построенный всего 4 года назадъ, Большой театръ представлялъ богатѣйшую пищу для огня. Это былъ огромный костеръ, ждавшій своего „термина“. Объ этомъ обстоятельстве знали въ Вильнѣ всѣ—и общество и городское управленіе, и администрація, что доказывается, между прочимъ, неоднократнымъ назначеніемъ комиссій, предъявлявшихъ къ владѣльцу театра рядъ требованій въ противопожарномъ отношеніи. Послѣдняя комиссія только еще на дняхъ вновь осматривала театръ и предписала построить „дополнительную“ желѣзную лѣстницу. Но сейчасъ эта новая заплатка оказывается уже лишней. Огонь развязалъ Вильну съ этимъ несчастнымъ театромъ, который могъ похоронить не одну сотню людей, случись катастрофа не въ августѣ, а въ сентябрѣ.

Естественно возникаетъ вопросъ, какъ могла быть допущена въ 1899 г. постройка громаднаго *каменнаго* театра, который съ первыхъ же дней своего существованія оказался опаснымъ въ пожарномъ отношеніи? Отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится театральное дѣло въ Вильнѣ. Какъ извѣстно, виленскій театръ субсидируется и правительствомъ, и думой. Кромѣ соображеній „высшихъ“, субсидія вызывалась до 1899 г. и тѣмъ обстоятельствомъ, что городской театръ (сейчасъ наз. „Малымъ“) вмѣщаетъ ничтожное количество зрителей и антрепренеръ заранѣе осужденъ на прогаръ. Поэтому когда администрація и городъ ознакомились съ предложеніемъ извѣстнаго въ Вильнѣ строителя Смаженевича насчетъ постройки частнаго театральнаго зданія, то всѣ пошли на встрѣчу „счастливой“ идеѣ. Увлеченіе достигло такихъ размѣровъ, что при утвержденіи плана новаго зданія были забыты элементарнѣйшія требованія безопасности. Такъ, разрѣшено было строить театръ въ *ряду* съ сосѣдними домами безъ промежутка, безъ проѣзда. Уже одно это обстоятельство уничтожало шансы спасенія при пожарѣ для большей части зрителей, такъ какъ лѣвая сторона ложъ и партера не имѣли бокового выхода, а правая была защищена на случай несчастія, смѣхотворной узкой „галдареечкой“, выходящей на маленькій дворикъ. Единственный выходъ—черезъ главныя двери, тоже не широкія, по двумъ узкимъ лѣстницамъ. И это для театра, вмѣщавшаго чуть-ли не 1500—1800 человекъ!

Но увлеченіе увлеченіемъ—а все же раздавались и трезвые голоса. И вотъ для успокоенія „трусовъ“—вѣрнѣе, чтобы заставить ихъ умолкнуть—придумана была такая комбинація. Смаженевичъ строить не театръ, а „концертный залъ“, безъ ярусовъ и сцены, съ одной лишь эстрадой и т. п.

Планъ былъ утвержденъ, а затѣмъ немедленно приступили къ постройкѣ „залы“, къ которой, полегонечку и потихонечку, пристроили сначала одинъ ярусъ ложъ, потомъ другой, потомъ галерею съ „волчьей ямой“ на 500 человекъ, куда иногда набивалось до 1000, и... театръ былъ готовъ, Большой театръ, онъ-же Большой костеръ... И когда этотъ костеръ былъ окончательно сложенъ и г. Смаженевичъ показалъ его „пріемной комиссіи“, нѣкоторые члены ея прямо „ахнули“.

Но дѣло было сдѣлано. Не ломать же зданія, не ломать раньше всего потому, что не можетъ же Вильна остаться безъ

М. г.! Не откажите дать мѣсто на страницахъ „Театра и Искусства“ моему письму, которое я не имѣю возможности напечатать въ настоящее время въ „Днѣпр. Вѣстн.“ по совершенно независимымъ отъ меня причинамъ.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Въ концѣ юня я принялъ предложеніе редакціи издающейся въ Смоленскѣ газеты „Днѣпр. Вѣсти“ вести въ ней театральн- ный отдѣлъ и помѣстить нѣсколько рецензій о труппѣ Д. Н. Басманова, игравшей въ театрѣ Лопатинскаго сада. Рецен- зии эти возбудили сильное недовольство г. Басманова, который прислалъ въ редакцію чрезвычайно рѣзкое и оскор- бительное для меня письмо, напечатанное въ № 185, гдѣ онъ называетъ мои отзывы „недобросовѣстнымъ и голослов- нымъ“ обвиненіемъ, высказывая вполне ясно предположеніе о сведеніи съ нимъ личныхъ счетовъ. Это заставило меня пред- ложить г. Басманову обратиться къ третейскому суду для рѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно ли мои замѣтки явля- ются недобросовѣстнымъ обвиненіемъ, поводомъ къ которому служить недоброжелательство. Таковой судъ состоялся 18— 19 августа и принялъ слѣдующую резолюцію:

„Оставаясь только въ предѣлахъ предъявленныхъ вопрос- ныхъ пунктовъ и касающихся даннаго вопроса статей, помѣ- щенныхъ на страницахъ „Днѣпр. Вѣстника“, мы полагаемъ, что у г. Басманова не было основаній заявлять въ печати предположенія о томъ, что при своихъ рецензіяхъ о дѣятель- ности г. Басманова, г. Лидовъ руководился желаніемъ сводить личные счета, и потому считаемъ такой поступокъ со стороны г. Басманова неблагоприятнымъ.

Переходя затѣмъ къ статьѣ г. Лидова, помѣщенной въ № 167 „Днѣпр. Вѣстн.“ за 1904 г., мы полагаемъ, что по построению статьи и по непосредственной связи ея съ поста- новкой г. Басмановымъ пьесы „Вареоломѣвская ночь“, г. Бас- мановъ имѣлъ основаніе отнести къ себѣ нѣкоторыя обвине- нія, заключающіяся въ означенной статьѣ. Причемъ не можемъ не отмѣтить, что дѣятельность г. Басманова, поскольку она выразилась въ постановкѣ праздничныхъ и воскресныхъ спек- таклей, не чужда нѣкотораго злоупотребленія театральною рекламой и не выдѣляетъ его изъ обычныхъ рядовыхъ антре- пренеровъ, заботящихся о сборахъ по праздничнымъ днямъ, но забота о сборахъ не влекла за собой небрежной поста- новки пьесъ. Слова г. Лидова о передачѣ главныхъ ролей на праздничныхъ спектакляхъ вторымъ персонажамъ имѣли по нашему мнѣнію общій характеръ, не относящійся къ г. Басма- нову, а потому и не давали права г. Басманову принять ихъ на свой счетъ, что же касается игры гг. артистовъ въ праздни- чныхъ спектакляхъ „спустя рукава“, то имѣя въ виду, что такое явленіе въ значительной степени зависитъ не только отъ ар- тистовъ, но и отъ режиссера, это заявленіе могло быть при- нято Басмановымъ на свой счетъ, но является незаслужен- нымъ, причемъ мы полагаемъ, что изложенныя г. Лидовымъ соображенія, касающіяся даннаго вопроса, какъ основанныя на его убѣжденіи, не могутъ быть признаны недобросовѣст- ными“.

И. П. Лидовъ.

ПОХОРОННАЯ КАССА СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Слѣдующія лица изъявили согласіе вступить въ число уч- редителей похоронной кассы: В. В. Аксановъ-Михайловскій, С. И. Антимоновъ, А. П. Антоновъ, И. Л. Аркановъ, А. Ф. Аркунинъ, Г. В. Барскій, М. И. Болычевцева, В. Н. Викторовъ- Голицынъ, Г. К. Долиновъ, Д. П. Камзолкинъ, А. Ф. Козловъ, М. А. Лаврецкая-Черкасова (Голицына), С. В. Ланской, Г. І. Леоновъ, Е. Г. Мещерскій, В. К. Михайловскій, Л. М. Мона- ховъ, В. М. Муратовъ, С. П. Невѣринъ, М. М. Нильская, І. П. Осиповъ, Т. И. Понятовская, Л. Ф. Понятовскій, П. А. Путинцевъ, Н. И. Ржевскій, А. Н. Савостьянова, А. П. Са- марскій, А. П. Свирскій, М. Т. Строевъ, О. М. Теодоровичъ- Вронскій, А. Д. Фейнъ-Сокольскій, М. А. Шпринцъ-Дмитріевъ, О. А. Эрмансъ.

СОВѢТЫ И ОТВѢТЫ.

Подписчику № 3127. Вы просите отвѣта „pro“ и „contra“ по вопросу о томъ, поступать-ли въ школу или ограничиться сценой, какъ практической школой. Вопросы эти въ теченіе 8-лѣтняго существованія журнала разрабатывались у насъ неоднократно и подробно, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Отрицать пользу школы нельзя, если на нее смотрѣть, какъ 1) на эле- ментарный курсъ; 2) усвоеніе приемовъ сценическаго толкова- нія и изученія. Разумѣется, если школа шарлатанская, то пользы никакой не будетъ. Но вѣдь и сцена, въ качествѣ школы, зависитъ въ своемъ дѣйстви отъ того, какъ поставлено дѣло и каковъ режиссеръ. Ежели послѣдній бездарный неучъ или „сухарь“, то не принесетъ ничего кромѣ вреда. Учатся и въ школѣ,

и на сценѣ. Школьное ученіе идетъ въ прокъ (если оно пра- вильно), потому что развиваетъ элементы сцены, которые, бу- дучи на сценѣ, не усвоить. По нашему, вопросъ весь въ томъ, что въ школѣ надо учиться способу развивать свои способности, а на сценѣ—развивать ихъ. Во всякомъ случаѣ, одно не исключаетъ другого.

Г. Хотинъ. *Любительскому кружку.* — Постановка пьесы „Царь Федоръ Иоанновичъ“ соч. А. К. Толстого разрѣшается обыкновенно въ большихъ городахъ. Ходатайство совѣтуемъ возбудить въ Гл. Управленіи по дѣламъ печати, имѣя согласіе губернатора.

Г. Кочкаръ *Подписчику № 31905.* — Чтобы быть членомъ Театральнаго Бюро, нужно вносить ежегодно два руб. Чтобы быть членомъ Театральнаго Общества, ежегодный взносъ — пять руб.

МИНУВШІЕ ДНИ*).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрелетовой).

Помимо официальныхъ занятій въ классѣ Льва Егоровича, я много читала, интересуясь, очень естественно, сочиненіями исключительно бел- летристическими. О системѣ или строгомъ выборѣ тутъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи—читалось все, что попадалось подъ руку. Переводные романы вто- ростепенныхъ англійскихъ писателей были почему-то особенно въ ходу въ нашемъ семействѣ, и я по- глощала ихъ съ особеннымъ увлеченіемъ. Изъ рус- скихъ авторовъ, кромѣ Тургенева, мнѣ ничего не приходилось читать; а Тургеневъ мнѣ очень нра- вился: въ особенности сильное впечатлѣніе произ- вела на меня его повѣсть «Первая любовь». Та по- эзія, которой дышетъ каждая строка этого чуднаго произведенія, полного правды и жизни, не могла не подѣйствовать на меня обаятельно, не могла не оставить слѣдовъ въ чуткой душѣ воспримчивой одиннадцатилѣтней дѣвочки; и я, хотя смутно, но поняла тогда, что не одна только искусно сдѣлан- ная фабула романа или повѣсти составляетъ ихъ прямое достоинство, но что есть что-то другое, безъ чего не должно обходиться никакое художе- ственное произведеніе. Правда, я не умѣла, въ то время, формулировать своихъ мыслей, я больше ин- стинктивно, чѣмъ сознательно, чувствовала все, о чемъ говорю теперь, но тѣмъ не менѣе первымъ зерномъ этихъ инстинктивныхъ догадокъ я считаю себя обязанной, во всякомъ случаѣ, прелестной тур- геневской повѣсти. Познакомившись съ сочиненіями Тургенева, я пожелала узнать и другихъ отече- ственныхъ писателей и вынесла много эстетическихъ на- слаждений изъ чтенія Достоевскаго, Л. Толстого, А. Потѣхина, Гончарова и др., Пушкина и Гоголя я прочтала уже гораздо позже.

На одномъ дворѣ съ нами помѣщалась библіотека; содержателемъ ея былъ старовѣръ Мелединъ—сѣ- дой, мрачный, вѣчно молчаливый старикъ, въ длин- нополомъ скрутокъ. Принадлежа тайно къ одной изъ многочисленныхъ старообрядческихъ сектъ, разсы- панныхъ по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани въ несмѣтномъ количествѣ, Мелединъ велъ жизнь бук- вально затворническую; онъ не имѣлъ ни друзей, ни пріятелей, съ подписчиками холодно вѣжливо, аккуратно, исполнителенъ и ничего больше. Кру- гомъ, всегда, торжественная тишина и полупшепотъ, какіе бывають только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ домѣ находится покойникъ или лежитъ опасно боль- ной. Мелединъ не нанималъ ни прислуги, ни при- казчиковъ. Вся семья его ограничивалась женой и дочерью, четырнадцатилѣтней дѣвочкой, большой моей пріятельницей, черезъ протекцію которой я до- ставала, иногда, книги изъ библіотеки старика.

*). См. № 35.

Не разъ, лѣтомъ, мнѣ случалось ѣздить съ Меледиными въ большое село Семеново—къ ихъ родственникамъ, гдѣ находился главный раскольничій притонъ. Жили эти родственники въ довольно большомъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ. Комнаты чистыя, просторныя, столы покрыты бѣлыми скатертями, по стѣнамъ иконы стараго письма, день и ночь горятъ лампы, у всѣхъ окружающихъ лица озабоченныя, серьезныя, важныя... То и дѣло появляются, словно изъ земли вырастаютъ траурныя фигуры какихъ-то старухъ, въ черныхъ платьяхъ, на головахъ большіе черные платки, въ рукахъ лѣстовки. Входятъ и выходятъ онѣ тихо, безъ шума, какъ привидѣнія, говорятъ вполголоса, смотрятъ угрюмо и подозрительно, осторожно... И люди и вещи, все носятъ на себѣ характеръ чего-то заповѣднаго, строго-таинственнаго... Двери на крючкахъ, ворота и калитки на запорѣ.

Знакомство съ Мелединами принесло мнѣ значительную пользу уже по одному тому, что я имѣла возможность всегда пользоваться изъ ихъ библіотекъ, безвозмездно, книгами, чтеніе которыхъ наполняло большую часть моего свободнаго времени. Подъ вліяніемъ этого чтенія, жажда знаній съ каждымъ днемъ росла во мнѣ все больше и больше, страстное желаніе учиться не давало ни на минуту покоя; но гдѣ и какъ и у кого учиться? Со смертью добраго Льва Егоровича мечты объ ученіи стали утопией, другого такого, дешеваго, учителя, какъ онъ—не найти, отдать въ гимназію—мать не рѣшалась, да наконецъ если-бъ она и согласилась, не позволили бы средства. Ихъ скудость едва давала право надѣяться на ежедневный обѣдъ, да и то часто или съ помощью уцѣлѣвшихъ трофеевъ болѣе счастливаго прошлаго, нерѣдко гостившихъ у закладчика, или благодаря нянѣ, имѣвшей всегда копѣйку про черный день и ссужавшей «на время» малую толику. Послѣ примиренія съ матерью, Евфросинья Ивановна переехала опять къ намъ, нанявъ, въ качествѣ жилицы, отдѣльную комнату. Она занималась акушерствомъ у купцовъ, мѣщанъ и мелкихъ чиновниковъ, а иногда, въ силу знакомства и дружбы съ различными «барскими барынями» попадала и въ «хорошіе дома», какъ она выражалась, т. е. къ дворянамъ или большимъ чиновникамъ, гдѣ на нее возлагали безчисленныя порученія, которыми она особенно гордилась, исполняя ихъ къ полной готовности, при томъ честно и чрезвычайно аккуратно, за что пользовалась общей любовью и даже нѣкоторымъ уваженіемъ. Практика у нея была обширная, пріятельница она находила на каждомъ шагу—однимъ словомъ чуть ли не цѣлый Нижній былъ населенъ ея знакомыми.

Въ одинъ прекрасный день является моя крестная

откуда-то усталая, еле переводя духъ, въ ужасно ажитации, но лицо сияющее.

— Ну, Поля,—говоритъ она, жмуря свои крошечныя глазки и захлебываясь отъ удовольствія,—вотъ поговорка и справедлива: «голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ»... Ты вотъ горевала, что учить тебя некому, что на всю жизнь душой останешься, не образованной—анъ нѣтъ! Нашлась добрая душа—пошли ей Господи всякаго благополучія—нашлась!

Да кто, няня? Кто такая? говори скорѣе—кто?—тормошила я крестную, не помня себя отъ радости.

— Постой, погоди глупая—расскажу порядкомъ. Что мечешься какъ угорѣлая!.. Ну слушай: есть тутъ, на Малой Покровкѣ онъ живетъ, докторъ—генералъ, важный, изъ нѣмцевъ. Я ужъ давно хожу къ нимъ, кое чѣмъ услужу... ну, и все такое... Они меня всегда хорошо принимаютъ, надо прямо говорить... Вотъ я и разговорилась какъ-то съ горничной, съ ихней.. Степенная такая женщина, раз-

судительная... Объясню я ей про тебя: вотъ, говорю, Поля у насъ, какъ стала въ науку вникать до всего стала понятлива, даже по французскому доходить начала, а тутъ вотъ, подижь ты, этакая напасть—учитель, Левъ Егоровичъ, возьми да и помри, такъ теперь и осталась дѣвка безъ ученья... А учиться-то ей смерть какъ хочется, да что подѣлаешь—у Антипа-то Григорьевича у самого, говорю, въ одномъ карманѣ блоха на арканѣ, а въ другомъ—клопъ на цѣпи... не больно шибко разбѣжишься... Такъ видно дѣвкѣ ни за что ни прочто пропасть надо... Говорю это ей, а у самой слезы. А она мнѣ на отвѣтъ: пол-

но, говоритъ, Ивановна, не горюй, Богъ милостивъ!.. Только у насъ и разговоры въ этотъ разъ было. Ну, вотъ хорошо, прихожу я этто нынче къ нимъ, а она, горничная-то и ведетъ меня наверхъ, прямо къ барышнѣ, къ старшей докторской дочкѣ. Я, зачѣмъ, молъ, она меня ведетъ, къ ней, не пойму никакъ. Только вотъ вошли мы, горничная-то и говоритъ: эта, матушка барышня, та самая старушка, о коей я вамъ давеча говорила, у коей крестница безъ ученья осталась. Барышня эдакъ ласково со мною обошлась, подозвала поближе, расскажите, говоритъ, порядкомъ какъ и что. Ну, я, само собой, таить не стала—объяснила досконально. Хорошо, говоритъ, милая, приведи ко мнѣ свою крестницу завтра утромъ часу въ одиннадцатомъ—я, говоритъ, если она хочетъ займусь съ ней, по французскому говоритъ обучать ее могу. Тутъ ужъ и не знаю, что со мной было: кланялась ей, моею голу-бушкѣ, благодарила-благодарила...

Счастью моему не было границъ. Я расцѣловала крестную и сейчасъ же принялась готовить костюмъ, въ которомъ должна была завтра предстать передъ своей новой учительницей. На другой день, чуть

Виленскій Большой театръ, сгорѣвшій въ ночь на 22-е августа.

разсвѣло я была уже на ногахъ, умылась, одѣлась и съ замираніемъ сердца ждала назначеннаго часа. Наконецъ пробило десять, и мы съ крестной отправились. На черной лѣстницѣ насъ встрѣтила горничная—покровительница крестной—и, объявивъ, что барышня одѣвается—просила пообождать въ саду.

Минуть черезъ двадцать передо мной стояла молодая, высокая, стройная дѣвушка, съ густыми пепельными, пышно, вверхъ зачесанными волосами. Большіе блѣдно-голубые, на выкатѣ, умные глаза, добрые и ласковые придавали далеко не красивому лицу ея чрезвычайно милостивое и неотразимо симпатичное выраженіе.

Это была Агнесса Линдеманъ, старшая дочь доктора Линдемана—та барышня, о которой говорила вчера крестная.

Агнесса, прежде всего, поинтересовалась узнать: чему я училась и какъ далеко ушла въ своихъ познаніяхъ, а за тѣмъ, вполне удовлетворенная отвѣтами, предложила мнѣ два раза въ недѣлю въ извѣстные дни, по утрамъ приходить къ ней для занятій французскимъ языкомъ. Я была на седьмомъ небѣ; никогда ничего подобнаго мнѣ даже во снѣ не грезилось. Визитъ нашъ скоро кончился. При прощаньи, няня два раза пыталась, было, поймать руку Агнессы для поцѣлуя, но такъ какъ старанія ея успѣхомъ не увѣнчались, она, наконецъ, не вытерпѣла—упала въ ноги и со слезами на глазахъ благодарила добрую барышню за благодѣяніе; а я, очутясь за воротами, опрометью бросилась домой, чтобы поскорѣе рассказать обо всемъ матери, и бѣжала, гонимая этимъ желаніемъ, такъ шибко, что крестная едва поспѣвала за мной. Она плакала цѣлую дорогу и что-то бормотала шопотомъ, вѣроятно молилась за докторскую дочку.

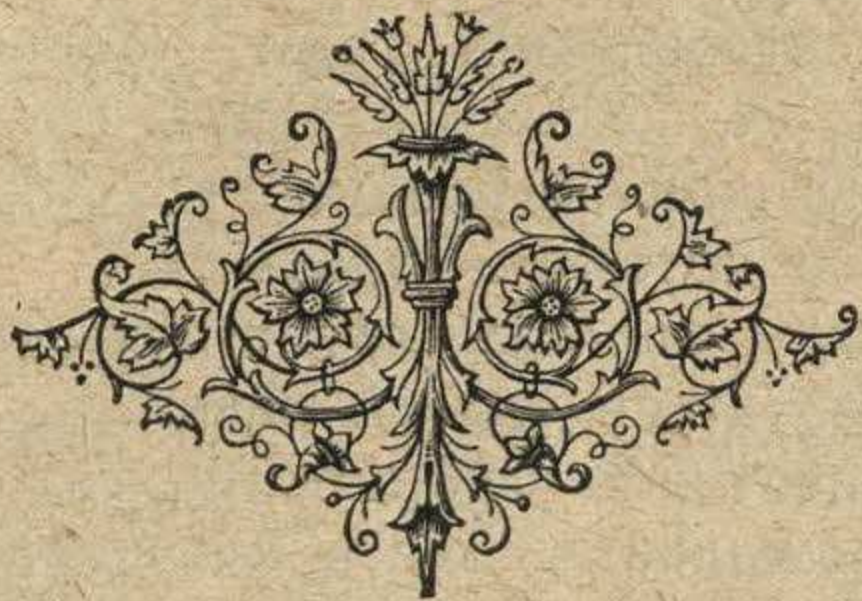

составится и мнѣніе, общественное мнѣніе, о данной пьесѣ. Вещь скучная и бездарная — канетъ въ Лету. А дѣйствительно—яркая, даровитая пьеса на крыльяхъ молвы, превозглашенная тысячью устъ, рядомъ отзывовъ въ печати,—по праву побѣдоносно прослѣдуетъ и попадетъ туда, гдѣ ей должно быть: на сцену!

Вотъ на чемъ призываю я объединиться семью молодыхъ драматурговъ!

Левъ Ждановъ.

МИНУВШІЕ ДНИ*).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Чѣмъ больше узнавала я Агнессу, тѣмъ больше и сильнѣе привязывалась къ ней. Простая, безъ претензій, деликатная и привѣтливая она, конечно, по своему человѣческому облику нисколько не походила на тѣхъ чопорныхъ и ломаныхъ барышень, которыми такъ переполнена провинція... да и одна ли провинція? къ сожалѣнію, не мало найдешь ихъ и въ столицахъ.

Чуждая дикихъ сословныхъ предразсудковъ, Агнесса обходилась со мной всегда какъ съ равной, не подавая ни малѣйшаго повода думать о возможности существованія какихъ-либо градаций между ею—дочерью Статскаго Совѣтника и мной—дѣвочкой толпы. Она даже просила меня называть ее просто Агнессой, безъ всякихъ прилагательныхъ.

— Если же васъ стѣсняетъ,—говорила она,—нѣкоторая разниа нашихъ лѣтъ, то зовите меня М-ле Агнесса, но не иначе.

Исключительность отношеній ко мнѣ этой дѣвушки еще рѣзче бросалась въ глаза при видѣ той кичливой заносчивости и того презрѣнія, съ какими мы мѣщане привыкли всегда встрѣчаться въ дворянскихъ семьяхъ. За примѣромъ ходить далеко не приходилось. Нашъ квартирный хозяинъ, нѣкто г. Покровский—человѣкъ, въ сущности темнаго происхожденія, но гордый полученнымъ званіемъ личнаго дворянина, приходилъ чуть не въ иступленіе, когда видѣлъ меня въ обществѣ своихъ дочерей.

— Маша! Соня!—кричалъ онъ, весь багровый отъ гнѣва,—васъ пускали гулять однѣхъ, а вы опять въ компаніи. Тысячу разъ мнѣ повторять вамъ одно и тоже. Маршъ домой! Скверныя дѣвчонки.

Его Маша и Соня, несмотря на ихъ юный возрастъ, давно уже вышли изъ ребячьихъ, благодаря глубокой развращенности мысли и чувства, замѣнившей въ нихъ прежнюю дѣтскую наивность, и если въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ существовала для кого нибудь опасность—то, полагаю, всего скорѣе не для развитыхъ и цивилизованныхъ покровскихъ барышень.

Занятія французскимъ языкомъ шли чрезвычайно успѣшно. Два раза въ недѣлю, въ извѣстную часть, я приходила на верхъ, въ отдѣльную комнату Агнессы, гдѣ намъ никто не мѣшалъ, и тамъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, съ полнымъ увлеченіемъ отдавалась изучаемому предмету. Агнесса обладала драгоцѣннымъ и во многихъ учителяхъ рѣдкимъ качествомъ—умѣніемъ *передать*. Для чего она избирала всегда удобную и общедоступную форму бесѣды, способныхъ при живости и простотѣ изло-

женія заинтересовать самаго апатичнаго и невнимательнаго слушателя. Я, казалось, чувствовала, какъ съ каждымъ урокомъ приобретаю все больше и больше познаній. Я готова была цѣлые дни слушать Агнессу—такъ обаятельны были ея бесѣды. Не ограничиваясь одними уроками французскаго языка,—мы часто переходили къ занятіямъ по другимъ предметамъ. Однажды замѣтивъ, вѣроятно, какъ сильно было затронуто мое любопытство при объясненіи законовъ нѣкоторыхъ атмосферныхъ явленій, Агнесса взяла съ полки довольно толстую книгу и отдавая мнѣ сказала:

— Возьмите эту книгу съ собой, изъ нея вы извлечете много полезнаго. Главное, читайте внимательно и не торопись. Чего не поймете—скажите—я объясню вамъ послѣ.

Придя домой, я показала книгу матери, но мать запретила мнѣ читать ее, и велѣла возвратить по принадлежности. Тутъ, повидимому, были причиной соображенія чисто религіознаго характера.

Прошло два съ половиной мѣсяца послѣ перваго дня моего знакомства съ Агнессой. Къ концу третьяго мѣсяца докторъ Линдеманъ сильно и опасно занемогъ. Я принуждена была рѣже посѣщать мою наставницу, проводившую часть дня у постели больного отца. Впрочемъ, въ недѣлю разъ она удѣляла мнѣ часъ—другой для занятій.

Какъ-то разъ послѣ урока, когда я, собравъ книги и тетрадки, намѣревалась уже идти домой, Агнесса, точно вдругъ что-то вспомня, попросила меня остаться на минуту.

— Я давно собираюсь поговорить съ вами, моя милая ученица, о томъ, какъ вы думаете распорядиться съ собою въ будущемъ, т. е. тогда, когда наступитъ для васъ пора самостоятельной дѣятельности? Вы, когда нибудь, задавали себѣ этотъ вопросъ?—спросила она, улыбаясь своей доброй, хорошей улыбкой.

— Да, я ужъ давно рѣшила, я буду актрисой,—сказала я совершенно просто и откровенно.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ впервые пришла мнѣ въ голову мысль сдѣлаться актрисой—не могу сказать. Съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить, это желаніе уже жило во мнѣ, прогрессивно развиваясь, до той поры пока не овладѣло всѣмъ существомъ моимъ. Я не могла себя представить ни чѣмъ инымъ, какъ актрисой. Говорятъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ, учась говорить, я постоянно безсознательно повторяла: «Буду актрисой, буду актрисой»!

Улыбка мгновенно исчезла съ лица Агнессы. Она строго и вопросительно взглянула на меня.

— Актрисой? Какъ актрисой?—повторила она, словно недоумѣвая.—Для чего? зачѣмъ?

— Чтобы играть въ театрѣ, на сценѣ.

— Понимаю, но развѣ вы не чувствуете призванія посвятить свои способности и отдать свой трудъ какому нибудь другому болѣе разумному, болѣе полезному дѣлу?

Я молчала.

— Развѣ затѣмъ вы учитесь, хлопочете о приобретеніи знаній, объ образованіи,—продолжала она съ жаромъ,—чтобы въ концѣ концовъ похоронить эти знанія непроизводительно въ невѣжественной средѣ погибшихъ женщинъ, не имѣющихъ понятія ни о честномъ трудѣ, ни о честной жизни... Понимаете-ли вы, что вы добровольно обрекаете себя на гибель?

— Я не буду поступать такъ, какъ онѣ, я буду жить честно,—попробовала, было, я возразить.

— Тамъ этого нельзя, душа моя,—настаивала Агнесса, вся разгорѣвшись отъ волненія,—тамъ ужъ

*) См. № 36.

ТЕАТРЪ ЛИТ.-ХУДОЖ.
ОБЩЕСТВА.

„Роза Берндъ“.

Г-жа Волховская (Роза).
Рис. М. Демьянова.
(Шаржъ).

жизнь такъ сложилась, тамъ царствуетъ только одинъ принципъ нравственной распущенности и никакихъ другихъ, а все живое, все свѣтлое неизбежно гибнетъ, въ этой ужасной пучинѣ безнравственности, въ этомъ круговоротѣ.

— А какъ-же моя мать? Она, вѣдь, тоже актриса,— перебила я.

— Да, вѣдь, я не утверждаю, что между актрисами нѣтъ ужъ совсѣмъ никакихъ исключеній, онѣ есть, какъ и вездѣ, но очень рѣдки... А что если опираясь на такіе феноменальные примѣры, каковъ примѣръ вашей матушки, вы очертя голову броситесь въ омутъ театральнаго міра да не повторите собой такой исключительности, а погнетесь, тогда что? Останутся впереди,—только позднія, бесплодная раскаянія, ни на что ненужныя... Да наконецъ, почему вы знаете, что помогло устоять вашей матушкѣ и выйдти чистой, изъ окружающей ее грязи—можетъ быть, не одинъ характеръ, можетъ быть известная доля счастья? Ну, а счастье, согласитесь, не всѣмъ одинаково служить и не всякому дается. Нѣтъ! Нѣтъ! бросьте эту мысль, она должно быть, какъ-нибудь, нечаянно, контрабандой попала въ вашу голову... Богъ съ ней!.. Какая вы актриса,— вы у меня хорошей преподавательницей, гувернанткой будете—вотъ это такъ! Не правда-ли?.. Послушайте, если вы дадите мнѣ слово бросить ваши вздорныя мысли о театрѣ, я ручаюсь, что при вашихъ способностяхъ въ годъ, много въ два, подготовлю васъ отлично, найдемъ хорошее мѣсто и начнемъ учительствовать. Ну, сознайтесь, что можетъ быть выше этого назначенія?

— Да... но съ дѣтьми очень скучно, въ особенности, когда ихъ много, а на гувернантокъ, почти вездѣ смотрятъ какъ на горничныхъ.

— Зачѣмъ же много? Можно найти такое мѣсто, гдѣ будетъ одинъ ребенокъ, и гдѣ не стануть васъ третировать, какъ горничную. А отыскать подобное мѣсто вовсе не такъ трудно, какъ вы думаете. Къ тому же, я увѣрена, что вы совсѣмъ даже серьезно и не задумывались надъ своимъ будущимъ, иначе вы бы не пришли къ такому странному рѣшенію. Я знаю, черезъ два-три дня, моя ученица меня обрадуетъ. Она сознается, что заблуждалась. Я васъ положительно обязываю, Полина, въ слѣдующій разъ дать мнѣ категорическій отвѣтъ на мой вопросъ—общаете?

— Нѣтъ, M-lle Агнесса, мнѣ стыдно васъ обманывать—лгать нехорошо. Я вамъ скажу правду: я очень хочу и непременно буду актрисой; а въ гувернантки не пойду,—отвѣчала я вполнѣ искренно.

Наступило минутное молчаніе. Агнесса видимо была огорчена моимъ отвѣтомъ.

— Какъ хотите,—наконецъ проговорила она, принужденно улыбаясь,—мое дѣло было предупредить, посовѣтовать, а тамъ, какъ знаете.

Продолжать разговоръ дальше мнѣ показалось не удобнымъ, и я ушла.

Замѣчу, кстати, что если мнѣніе Агнессы о дѣятеляхъ сцены и носить на себѣ характеръ крайней односторонности, то въ этомъ отношеніи ее оправдываетъ одно весьма важное обстоятельство: она судила обо всѣхъ вообще артистахъ по тѣмъ экземплярамъ, какіе имѣлись, въ данномъ случаѣ, на лицо, т. е. по нижегородской труппѣ, гдѣ въ то время тупоуміе, грязь, невѣжество, и открытый беззастѣнчивый развратъ, доведенный до самаго грубаго цинизма—такъ назойливо бросались въ глаза каждому, даже не посвященному въ тайны театральнаго міра, что нѣтъ ничего удивительнаго, если Агнесса, при видѣ этого безобразнаго явленія, съ омерзениемъ отвернулась отъ него, какъ отъ зрѣлища, поселявшаго ужасъ и негодование въ ея чуждой пороку и благородной душѣ. Быть можетъ многіе найдутъ странной ея излишнюю поспѣшность въ обобщеніи чисто случайнаго, мѣстнаго факта, но и тутъ нельзя не согласиться, что ея интересы, сосредоточиваясь на предметахъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ театромъ, не давали ей ни времени, ни мѣста для болѣе подробнаго и всесторонняго анализа жизни театральнаго люда. При томъ нельзя забывать, что строгость приговора и поспѣшность, пожалуй даже опрометчивость сужденія—вызывались не празднымъ глумленіемъ, не простымъ удовольствіемъ бросить камень въ падшаго брата, а опасеніемъ за судьбу несчастной дѣвочки, стоявшей, по мнѣнію Агнессы, на краю пропасти.

Занятія наши французскимъ языкомъ еще продолжались нѣкоторое время, но прекратясь со смертью старика Линдемана—уже не возобновлялись болѣе.

Съ тѣхъ поръ я никогда нигдѣ не встрѣчала мою милую учительницу. Хотя, послѣ приведеннаго выше разговора, Агнесса нѣсколько измѣнила свои отношенія ко мнѣ: въ обращеніи со мной уже не проглядывало ни прежней нѣжности, ни прежняго участія, но тѣмъ не менѣе, образъ этой превосходной дѣвушки никогда не исчезнетъ изъ моей памяти; воспоминанія о ней будутъ жить во мнѣ вѣчно за то добро, которое принесло мнѣ непродолжительное знакомство съ ней. Въ ней я встрѣтила ласку, привѣтъ, дружбу, любовь, сочувствіе и самую безкорыстную помощь тамъ, гдѣ она была всего нужнѣе—въ дѣлѣ познаній *).

Спустя два мѣсяца послѣ того, какъ я разсталась съ Агнессой, мы переѣхали на Грузинскую улицу, въ домъ Солнцевой. Наша новая хозяйка оказалась любительницей артистическаго міра. Артисты не выходили изъ ея дома. Она имѣла сына и двухъ дочерей. Старшая дочь ея—Маша, очень добрая дѣвушка, одно время то же давала мнѣ бесплатные уроки французскаго языка, но дѣло не пошло. Между тѣмъ избытокъ свободнаго времени становился для меня невыносимымъ. Яви-

„Роза Берндъ“.

Г. Мячинъ (Августъ).
Рис. М. Демьянова. (Шаржъ).

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Агнесса умерла. Я объ этомъ узнала случайно въ Нижнемъ. (писано въ 1880 г.).

лась лихорадочная потребность дѣятельности, удовлетворенная однако, на этотъ разъ сверхъ всякаго ожиданія, довольно быстро. Не подалеку отъ насъ жила одна изъ крестницъ моего отца—вдова чиновника, очень хорошая портниха. Трое дѣтей и никакихъ средствъ къ жизни. Она сидѣла за работою день и ночь. Я начала посѣщать ее. Мы скоро сдѣлались друзьями; и вотъ, подъ ея руководствомъ, я занялась швейнымъ мастерствомъ, которое, вполнѣдствіи, тоже сослужило мнѣ большую службу. Я съ обычной ретивостью, отдалась новымъ занятіямъ, но мечты о театрѣ ни на минуту не оставляли моего воображенія и всегда были на первомъ планѣ *).

